ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ

УПРАВЛЕНИЕ НЕСВОБОДОЙ (ДИСЦИПЛИНАРНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА) ВЛАСТЬ В ПОИСКАХ КОНСЕРВАТИЗМА)

Лоскутов В.А.

доктор философских наук, профессор, директор Уральского института-филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, rector@uapa.ru

УДК 35
ББК 66.033.141

Цель. Реконструкция основных механизмов и процедур развития современного российского общества. Анализ ключевых закономерностей перехода от антитоталитарной революции к постсоветскому термидору и процедур управления его несвободой.

Методы. В качестве методологической основы исследования используется теоретическая модель «дисциплинарного общества» М. Фуко.

Результаты и практическая значимость. В качестве основных механизмов дисциплинирования современного российского общества определены администрирование и коррупция. Они формируют административную реальность постсоветского термидора и являются ключевыми технологиями управления его несвободой. В основе несвободного развития современного российского общества лежат особые административно-коррупционные процедуры, которые в специфической форме представляют и замещают универсальные дисциплинарные механизмы его развития.

Научная новизна. Управление несвободой современного российского общества в условиях постсоветского термидора является основным способом и инструментом его функционирования и обновления. Оно осуществляется путем планомерного развития свободы власти, которая с помощью таких универсальных дисциплинарных инструментов, как «функциональная инверсия», «роение», «государственный контроль», формирует особую административную реальность постсоветского общества.

Ключевые слова: антитоталитарная революция, постсоветский термидор, управление несвободой, администрирование, коррупция, административная реальность, «хомократ».

Loskutov V.A.

MANAGEMENT OF UNFREEDOM (DISCIPLINARY MODEL FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIAN SOCIETY)

Purpose. Reconstruction of the main mechanisms and procedures for the development of contemporary Russian society. Analysis of key laws governing the transition from the anti-totalitarian revolution to post-Soviet Thermidor and procedures to manage its unfreedom .

Methods. As a methodological basis of the research used a theoretical model of «disciplinary society» Foucault .

Results and practical significance. The main mechanisms of disciplining contemporary Russian society defined administration and corruption. They form the administrative reality of post-Soviet Thermidor and are key technologies to manage its unfreedom . At the heart of the unfree development of modern Russian society are special administrative cor-

© Лоскутов В.А., 2014

ruption procedures that are in a specific form and replace universal disciplinary mechanisms of its development.

Scientific novelty. Manage unfreedom modern Russian society in post-Soviet Thermidor is the main method and tool for its functioning and updates. It is accomplished by the systematic development of freedom of power, which with the help of such universal disciplinary tools such as «functional inversion», «swarming», «state control», forms a special administrative reality of post-Soviet society .

Key words: antitotalitarian revolution, post-Soviet Thermidor, unfreedom management , administration, corruption and administrative reality , «homokrat».

Если бы мне надо было дать название современному положению вещей, я сказал бы, что это – состояние после оргии. Оргия – это каждый взрывной момент в современном мире, это момент освобождения
Ж. Бодрийяр

В СССР, к примеру, правящий класс поменялся, однако прежние властные отношения остались
М. Фуко

Удивительно ли, что тюрьмы похожи
на заводы, школы, казармы и больницы,
которые похожи на тюрьмы?
М. Фуко

Известный французский философ Жиль Делёз, считал, что современная цивилизация стоит на пороге создания нового общества: «мы приближаемся к обществу контроля, которое также функционирует уже не через изоляцию, но через постоянный контроль и мгновенную коммуникацию» [3, с.222–223]. В чем-то очень важном они будут наследовать те дисциплинарные механизмы, которые господствовали в индустриальном обществе девятнадцатого и двадцатого века, а в каких-то случаях станут их вытеснять, в результате чего «дисциплинарное общество» (М. Фуко) эволюционным путем превратится в общество контроля, а индустриальная цивилизация станет постиндустриальной. Мишель Фуко и сам понимал, что в современном ему обществе происходят такие изменения, которые свидетельствуют о серьезном кризисе дисциплинарной модели его развития. Еще в 1978 году он писал: «теперь в индустриально развитых странах подобные виды дисциплины входят в состояние кризиса» [9, с.320], и поэтому пора всем «задуматься над развитием общества без дисциплин» [9, с.320]. Наверное, это так, и какие-то наиболее развитые страны должны уже сегодня задуматься об этом. Но существуют иные общества, для которых переход от индустриального способа развития к постиндустриальному связан не с ликвидацией дисциплинарной модели их самоопределения, а совсем наоборот – с качественным обновлением и серьезным укреплением ее исторического и системного потенциала. Несмотря на серьезные кризисные явления в современном дисциплинарном обществе, его потенциал еще далеко не исчерпан. И некоторые страны, основываясь на нем, могут сделать очень важные и нужные шаги в направлении постиндустриального развития. К тем, кто активно ищет свой путь в постиндустриальное общество и в целях продвижения туда все чаще пытается использовать модифицированный потенциал индустриального общества, в частности дисциплинарную модель его развития, относится, в том числе, и Россия.

На наш взгляд, Жиль Делёз несколько поторопился, утверждая, что «мы уже живем не в дисциплинарном обществе, мы не являемся более таковым» [3, с.226]. Да, безусловно, «новые силы стучатся в дверь», но им пока еще открыты далеко не все двери, и они не накопили в достаточной степени необходимый потенциал освобождения, который мог бы стать надежным и постоянно действующим источником развития и воспроизводства общества контроля. «Мы свидетели конца перспективного и паноптического пространства (которое еще остается моральной гипотезой, согласующейся со всеми попытками классического анализа «объективной» сущности власти)» [2, с.83], но это не значит, что мы присутствует на его похоронах. Дисциплинарное общество не просто живо, но оно по-прежнему остается важнейшим способом самодвижения современного индустриального общества, в том числе способом его продвижения в постиндустриальный мир.

Российское общество, переживая очередную волну индустриализации («неоиндустриализации»), укрепляя границы и совершенствуя потенциал «догоняющего развития», настойчиво продолжает эксплуатировать пока еще нереализованные возможности индустриального и скрытые резервы дисциплинарного общества. При этом Россия активно ищет пути и средства выхода на новые рубежи социального обновления и, что очень важно, стремится освоить и присвоить не только продукты и результаты перегоняющего развития иных общественных систем, например, общества потребления, но и их базовые властные модели. В том числе, естественно, и соответствующий ресурс еще только нарождающегося общества контроля.

Дисциплинарное общество, прошедшее «круги» социалистического строительства и пережившее все прелести советской тоталитаризации, приобрело некоторые принципиально новые свойства и качества развития, которые и сегодня оказывают существенное влияние на выбор тех или иных траекторий его обновления. Этот факт необходимо подчеркнуть особо, так как в процессе развития советского тоталитаризма многие из процедур и механизмов исторического самоопределения дисциплинарного общества были отчуждены, извращены, фетишизированы и особым образом встроены в общую логику тоталитаризации (социалистического строительства) истории. А это значит, что приведение основных параметров и траекторий развития дисциплинарного общества в соответствие с общей логикой глобализации современного мира и основными векторами его постиндустриального развития возможно только на путях кардинальной детоталитаризации советской истории.

Дисциплинарная модель современного российского общества в своих основных и системообразующих свойствах наследует соответствующие механизмы развития и принципы организации советского общества. Обратим внимание лишь на два очень тесно взаимосвязанных между собой существенных параметра ее воспроизводства. Советское дисциплинарное общество – это сложный и противоречивый синтез тоталитаризма и социализма. В системе их конкретно-исторического тождества тоталитаризм фиксирует уровень предельных оснований развития советского общества, законы его исторического развития. А социализм, или правильнее будет сказать – социалистическое строительство, устанавливает степень и формы их осуществления в историческом процессе. Представляет конкретные технологии и процедуры реализации универсального содержания законов тоталитаризма в советской истории.

Следует различать уровень самообоснования конкретно-всеобщих законов исторического развития той или иной социальной системы, находясь на котором они опосредуют сами себя в качестве единого универсального основания самоопределения целостного общественного процесса, и уровень их рефлексии в мир действительной истории, в которой они самым разным способом и в различных формах осуществляются. Если иметь в виду советскую историю, о чем мы уже достаточно подробно писали ранее [5], то на уровне законов ее развития произошло нечто такое, что принципиально и глубоко сущностно изменило исторический мир России до неузнаваемости – превратило его в тоталитарную историю. Во-первых, изменилось место и роль власти в системе общественного развития – она превратилась из формы и способа воспроизводства и обновления исторической реальности в предельное основание и «последнюю причину» ее бытия. Во-вторых, качественно изменилась природа самой власти – она стала универсально-абстрактной формой развития всякой общественной самодеятельности, превратив ее, тем самым, в единственную движущую силу развития общества. В-третьих, отчужденная и фетишизированная власть стала универсальным субъектом сотворения нового мира – способствовала превращению практической и духовной истории в зазеркалье советского народовластия. Тоталитаризм так бы и остался в глубинах социального бытия, если бы не нашел адекватных форм для самоопределения в качестве универсальной силы его исторического развития. Он смог «дотянуться» до исторической действительности лишь с помощью такого универсального средства построения нового мира, как социализм. Тоталитаризм «спускал коммунизм из идеи в тело» (А. Платонов) с помощью социалистического строительства, которое было универсальным инструментом и способом проявления тоталитарных законов в российской истории XX века. В руках новоявленных устроителей котлованов «всеобщего счастья» (А. Платонов) оно оказалось наиболее эффективным способом и средством тоталитаризации истории.

Антитоталитарная революция и постсоветский термидор

В процессе перехода от индустриальной цивилизации к постиндустриальной, от дисциплинарного общества к обществу контроля существенным образом меняется не только число степеней личной и социальной свободы, но и качество ее исторического бытия. В частности, это проявляется в том, что проблема управления свободой становится своеобразной доминантой и источником трансформации одного общества в другое. Она и раньше была одной из системообразующих проблем самоопределения индустриального общества. Для ее решения в основном использовались разнообразные властные средства. В первую очередь те исторические формы властвования, которые были способны обеспечить в историческом процессе баланс де-

ятельности и самодеятельности. Главенствовали среди них различные формы государственного управления и общественного самоуправления. Дисциплинарное общество поддерживало между ними постоянный баланс, обеспечивало их расширенное воспроизводство и обновление. Проблема управления свободой в индустриальном обществе разрешалась опосредованно развитием форм властвования, которые, так или иначе, были встроены в единый процесс демократизации общественной жизни. С помощью демократических процедур решалась триединая задача по управлению свободой: устанавливался баланс взаимодействия различных форм властвования, регулировалось отношение между властью и свободой, создавались условия для исторического самоопределения свободы и ее рефлексии в саму себя как сущность истории.

Переход от индустриального к постиндустриальному обществу связан, в том числе, а может быть и в первую очередь, с качественным обновлением способов и средств решения проблемы управления свободой, с сущностной трансформацией основных процедур и механизмов демократизации общественной жизни. Три основных вектора осуществления данного процесса определяют логику и характер превращения одного состояния и способа развития общества в другое: историческая самодеятельность из предельного основания превращается в постоянно действующий универсальный источник общественного развития; свобода из сущности истории становится субъектом этой самодеятельности; а самоуправление свободой оказывается основной движущей силой и доминантой ее самообоснования. В результате отмеченных выше субстанциональных превращений индустриального общества, которые проявляются, в том числе, в различных демократических формах, возникает принципиально новый способ решения проблемы управления свободой – возникает гражданское общество.

Советское общество в XX веке было первым «гражданским обществом», которое попыталось процесс собственного исторического самоопределения организовать таким образом, чтобы с помощью средств и методов индустриализации общественной жизни сразу и однозначно оказаться на следующей ступени исторического развития – в постиндустриальном обществе. В этих целях была кардинальным образом преобразована система координат развития индустриального общества и, естественно, существенно трансформирован существующий способ управления свободой. В результате такого рода качественных изменений историческая самодеятельность «пролетарского движения» (К. Маркс) из предельного основания общественного развития превратилась в его единственный источник – в пролетарскую революцию. Свобода стала субъектом развития пролетарской революции в форме диктатуры пролетариата. А универсальным способом саморазвития и самоуправления данного субъекта оказалось советское народовластие. Итогом строительства такого рода «гражданского» индустриального общества было его превращение не в постиндустриальное, а в тоталитарное общество. В процессе и результате установления с помощью различных форм «пролетарского движения» конкретно-исторического тождества тоталитаризма (законов) и социализма (форм осуществления этих законов) произошло не просто превращение свободы в несвободу, самодеятельности в деятельность по расширенному воспроизводству индустриальных форм ее самоопределения, но возникла особая система управления несвободой. Она никуда не исчезла из истории в результате тех кардинальных трансформаций, которые произошли в России в конце двадцатого века. И сегодня она по-прежнему является важнейшей подсистемой развития постсоветской истории современного российского общества.

Мы выделяем два основных этапа развития постсоветской истории, две формы детоталитаризации советского народовластия: антитоталитарную революцию и постсоветский термидор. В основе их единства лежит специфическая логика развития и разложения абстрактного и абсолютного тождества тоталитаризма и социализма. В соответствии с ней в результате антитоталитарной антисоциалистической революции были качественно обновлены предельные основания и формы развития советского общества и появились иные источники и способы его исторического самоопределения. Далеко не случайно в центре произошедших с ним сложнейших исторических трансформаций оказалась проблема управления свободой. В результате детоталитаризации советской истории свобода должна была вернуться в базис общественного развития в качестве его сущности и базового принципа обновления, а историческая самодеятельность, будучи универсальной формой ее развития, должна была стать ключевыми способом строительства новой исторической реальности. Предельный смысл и конечная цель антитоталитарной революции заключалась в том, чтобы освободить свободу и самодеятельность из тоталитарного плена социализма. Частично ей это удалось – она с огромными усилиями и естественными для таких исторических событий потерями все-таки освободила из пут «тоталитаризма-социализма» нечто. Но, как оказалось, она освободила не свободу, а несвободу.

Антитоталитарная и антисоциалистическая революция девяностых годов двадцатого века освободила советское общество от особой формы развития несвободы, которая во время господства советского народовластия была, хотя и необходимым, но все-таки производным качеством его самоопределения. В результате революционных событий произошло не механическое отделение одного от другого, а становление специфической системы отношений между сущ-

ностью и формой осуществления несвободы. И в первую очередь тех отношений, которые отвечают за ее способность к самообоснованию. Нельзя не заметить, что они наперекор всему, в каком-то смысле нарушая общую логику детоталитаризации истории и подрывая основы процесса освобождения от несвободы, постоянно и настойчиво вновь, как это было раньше, пытаются стать универсальным источником развития постсоветской истории. И этот странный факт отражает не просто незначительный зигзаг истории, но доминирующую тенденцию их постреволюционного развития. Наиболее определенно и показательно она проявилась на этапе постсоветского термидора – постреволюционного развития антитоталитарной революции.

В результате антитоталитарной революции существенным образом меняется вектор общественного развития. При этом по форме он хотя и изменяется, но по содержанию обновляется не столь кардинально и существенно, сохраняя и активно вовлекая в процесс капиталистического строительства наиболее эффективные образцы строительства социалистического. Конечно, нельзя значение данного факта переоценивать, ибо системообразующую роль в этом процессе играли все-таки «капиталистические» формы его осуществления: рынок и демократия. Но и преуменьшать их влияние на реальные процессы перехода от одного общественного строя к другому нельзя. Иначе будет трудно, если вообще возможно, объяснить, каким образом демократический транзит так и не вышел за рамки процесса освобождения свободы в рамках несвободы.

Демонтаж одних способов строительства и их замещение другими, прямо противоположными, процедурами не отменял того факта, что при определенных исторических условиях между ними возникали сложные взаимодействия и достаточно запутанные отношения. Наиболее продуктивен их синтез был в тех точках демократического транзита, в которых решалась проблема освобождения несвободы – проблема обновления отношений свободы и несвободы в рамках несвободы. В каком-то смысле появление множества форм их «демократического» синтеза объясняет то, почему мы в процессе антитоталитарной революции так и не смогли выйти за пределы освобождения несвободы и перейти к полноценному решению задач освобождения свободы. Второй же причиной, почему этот процесс не произошел и мы остались в плену несвободы, является то, что строительство нового дома мы начали на старом фундаменте. Естественно, была предпринята масса усилий для того, чтобы изменить его конструкцию, обновить материалы, из которых он был сооружен. Но не следует забывать того, что в данном случае мы имеем дело с объективными законами исторического развития, изменить которые за столь короткое время и исключительно революционными средствами практически невозможно. В условиях детоталитаризации истории основной закон тоталитаризма – предельным основанием и источником развития истории является власть – по-прежнему продолжал действовать. Все его модификации, так или иначе, участвовали в этом процессе, полагая допустимые границы и пределы его осуществления. Важнейшим из них как раз и была несвобода. Когда тоталитаризм пошел на попятную и в форме антитоталитарной революции вновь допустил в историю свободу, он сделал это исключительно в форме властного освобождения несвободы. В результате кардинальной трансформации исторической реальности отношение власти и свободы как бы перевернулось – теперь уже власть из предельного основания и источника развития стала формой и способом продвижения свободы в истории. Появились не просто практические формы их различения, но и особые траектории их относительно самостоятельного развития. Правда, все это случилось исключительно в границах несвободы. И тем не менее, несмотря на то, что антитоталитарная революция освобождала лишь несвободу, она буквально взорвала фундамент социалистического строительства.

Некоторые социальные революции заканчиваются тем, что возникает необходимость их рефлексии в самих себя. Оказывается, что есть проблемы общественного развития, которые могут быть решены только и исключительно посредством оборачивания конкретного исторического события в собственные основания развития. К таким проблемам как раз и относится вопрос о процедурах и механизмах освобождения в процессе антитоталитарной революции несвободы. Рефлексия позволяет обнаружить сущность, которая может быть источником и гарантом установления развивающегося баланса между свободой и несвободой в процессе освобождения несвободы. Она не просто указывает пути и способы установления определенных отношений между свободой и несвободой в революции, но пытается активно и целенаправленно консолидировать тот исторический потенциал, который гарантировал бы ей расширенное воспроизводство в качестве источника общественного развития. В современной России среди множества путей решения проблемы освобождения в несвободе свободы выделяется один – консолидация процедур освобождения свободы вокруг процесса восстановления **свободы власти**. Несвобода ищет и находит в себе ту свободу, которая способна обеспечить ей не просто надежные тылы, но прорыв к новым общественным источникам развития и обновления. И этой свободой является свобода власти. В условиях тоталитаризма единственным источником исторического развития советского общества была, как мы уже отмечали, власть. Ее освобождение и превращение в источник развития не только истории несвободы (антитоталитарной революции),

но и несвободной постреволюционной истории является задачей, которая достаточно убедительно и эффективно решается в эпоху постсоветского термидора.

Термидор не является просто локальным, отдельным историческим событием. Он представляет собой некую универсальную историческую закономерность, которая отражает и выражает необходимость и возможность взаимодействия социальной революции с целостным историческим процессом и с самой собой. В соответствующей литературе наиболее глубоко и объективно исследованы две исторические формы термидора: французская и советская. Исторический смысл термидора во Франции заключался, и в этом мы, безусловно, согласны с Л. Д. Троцким, не в «восстановлении старых форм собственности или власти старых господствующих сословий, а в распределении выгод нового социального режима между разными частями победившего "третьего сословия". Буржуазия все более прибирала к рукам собственность и власть (прямо и непосредственно или же через особых агентов, как Бонапарт), отнюдь не покушаясь на социальные завоевания революции, наоборот, заботливо упрочивая, упорядочивая, стабилизуя их» [8]. Если, не мудрствуя лукаво, заменить в этом контексте слово «буржуазия» на существительное «бюрократия», что и сделал в своих работах Л. Д. Троцкий, то мы получим определение сути советского термидора и сталинского бонапартизма. Дискуссии об источниках и природе советского термидора продолжаются и далеки от завершения. У нас еще будет возможность по этому поводу высказаться, а предварительно заметим, что мы, безусловно, согласны с мнением известного специалиста по Французской революции Д. Бовыкина о том, что термидор – «это время, когда "революционеры имеют лишь одно желание – закончить, наконец, Революцию". Но закончить ее не контрреволюцией, не возвращением к прошлому, а созиданием и стабильностью». [1, с.158]

Мы считаем необходимым выделить общедиалектическую и общеисторическую структуру термидора. В первом случае она включает в себя следующие базовые элементы (процедуры): развитие возникновения, становление нового качества, превращение становления в источник его развития. Во втором случае термидор представляет собой единство трех основных процессов: инверсию в революцию, постреволюционное развитие революции, начало развития постреволюционной истории. Когда в конкретно-исторической ситуации происходит наложение двух структур и их элементов друг на друга, возникает специфическая логика саморазвития термидора, которая особым образом раскрывает и характеризует взаимосвязь различных этапов осуществления этого процесса. На каждом из них происходит самоопределение термидора одновременно по отношению к своему прошлому, настоящему и будущему. В результате становится достаточно сложная, не линейная, но системная взаимосвязь различных траекторий его осуществления. Она в полном объеме раскрывает место и роль термидора в постреволюционном развитии революции и диалектику его превращения в конец революционных преобразований и начало развития новой истории.

Используя образ термидора в качестве теоретического концепта для описания и объяснения логики превращения потенциала антитоталитарной революции девяностых годов в качество развития новой постсоветской истории, мы получаем уникальную возможность связать исторические времена таким образом, что в результате возникает целостный образ их саморазвития. С его помощью оказывается возможным объяснить то, насколько далеко мы ушли от советской истории, каким образом и в какой степени были обновлены предельные основания ее развития, что, в каких формах и почему наследует постсоветский термидор из ее прошлого.

На смену антитоталитарной и антисоциалистической революции пришел постсоветский термидор, что является естественной реакцией истории, ставшей на путь качественного обновления предельных оснований собственного развития. Он представляет собой своеобразную форму рефлексии антитоталитарной революции в саму себя. В результате такого рода оборачивания и постреволюционного развития революции в историческом процессе устанавливается своеобразный баланс революции и контрреволюции, обновления и реставрации, реакции (реваншизма) и реформации. Тот баланс, который позволяет истории в самой себе искать и находить конкретные возможности для самоопределения и формировать новые траектории саморазвития.

Если антитоталитарная революция девяностых годов решала в основном задачу освобождения несвободы, то в условиях постреволюционного развития революции и постсоветского термидора главной и основной стала задача создания устойчивой и воспроизводимой системы **управления освобожденной несвободой**. Во главе угла оказалась задача укрепления и развития потенциала свободы власти, выхода за границы той революционной ситуации, в тупиках которой запуталось советское общество, и задача формирования траекторий его эволюционного развития. В том числе за счет устойчивого и расширенного воспроизводства единства свободы власти и несвободы общества. Не следует забывать, что проблема управления несвободой отражает и выражает глубинный смысл рефлексии антитоталитарной революции в саму себя как единство революции и контрреволюции. Поскольку она является основной проблемой развития термидора, для ее решения привлекаются самые разнообразные реформаторские и реваншистские, рево-

люционные и контрреволюционные, обновленческие и «стабилизационные» процедуры и средства.

Основные механизмы управления несвободой в условиях постсоветского термидора: администрирование и коррупция

Управление свободой и несвободой в дисциплинарном обществе осуществляется по одним и тем же законам, но в принципиально различных формах, с разными средствами и инструментами дисциплинирования. В данной статье мы попытаемся выделить и проанализировать те механизмы, которые объединяют различные дисциплинарные схемы и технологии в единую логику исторического самоопределения постсоветского термидора

В отношении социальной реальности дисциплина выполняет множество функций. Посредством дисциплинирования ее недисциплинированных проявлений и дисциплинарных процедур она организует, упорядочивает, кодирует аналитическое пространство властного бытия общества и индивидов. Расчерчивает его. Локализует и обеспечивает циркуляцию индивидуальных тел, их размещение и распределение в сети властных отношений. Будучи модальностью власти, дисциплина использует для ее интенсификации и разветвления различные инструменты и технологии. С их помощью она артикулирует, умножает и подразделяет саму себя. В результате взаимодействия и взаимопересечения сфер их ответственности возникают такие дисциплинарные схемы, которые объединяют разные дисциплинарные процедуры и технологии вокруг решения конкретных проблем самоопределения власти. В их ряду мы выделяем такую модальность дисциплинирования, которая отражает и выражает способность дисциплинарной схемы к инверсии – к оборачиванию на саму себя и раскодированию в самой себе, с одной стороны, предельных оснований собственного самоопределения, с другой стороны, того скрытого потенциала, который при определенных условиях может обеспечить ей эффективный выход в любое аналитическое пространство, социальное и индивидуальное бытие. Эту рефлексивную форму осуществления дисциплинарной схемы мы называем **управлением**.

Управление несвободой – это особая модальность дисциплинирования, способ соединения в рамках определенной схемы различных процедур и технологий дисциплинарного развития общества и власти. Будучи рефлексивной формой осуществления этого процесса, она раскрывает предельный смысл и сущность взаимодействия тех дисциплин, которые лежат в основании ее воспроизводства и обновления. В качестве таковых М. Фуко рассматривал «открытые» («дисциплины-механизмы») и «закрытые» («дисциплины-блокады») дисциплины [10, с. 306]. Восстанавливая их единство, управление несвободой превращает несвободу общества в свободу власти. Делает власть постоянно действующим источником воспроизводства и обновления единства различных дисциплин и дисциплинарного общества в целом. Возвращается же данная дисциплинарная схема из глубин самообоснования несвободы в мир действительной властной истории посредством такой формы управления ей, как «размыкание» – путем обращения свободы власти в несвободу общества. В результате прямых и рефлексивных трансформаций соответствующих дисциплинарных схем управление несвободой объединяет в единое целое две взаимосвязанные процедуры: превращение несвободы общества в свободу власти и обращение свободы власти в несвободу общества.

В процессе освобождения несвободы (антитоталитарная революция) были задействованы как «закрытые», так и «открытые» дисциплины. Если первые в основном были заимствованы из нашего тоталитарно-социалистического прошлого и осуществлялись в виде различного рода административных технологий и процедур, то вторые зарождались в недрах демократического транзита и формировались с помощью преимущественно политических технологий. Переход от антитоталитарной революции к постсоветскому термидору существенным образом изменил взаимоотношение административных и политических видов дисциплинирования. Выдвижение на первый план проблемы управления несвободой заставило по-новому посмотреть на то, как, с помощью каких инструментов при ее решении могут и должны взаимодействовать между собой «закрытые» и «открытые» дисциплины – предельные основания данного способа дисциплинирования. Реальное освобождение свободы власти, то есть первая из процедур управления несвободой, происходило в двух взаимосвязанных формах: путем создания из обломков самовластья новой «вертикали» власти и посредством строительства новой политической реальности. В первом случае в процессах государственного строительства и обновления государственного управления были в основном задействованы такие процедуры «закрытых дисциплин», как «исключение» и «распределение». С помощью «исключения» решалась проблема ликвидации возникшего во власти и обществе «смешения» различных уровней и ветвей власти и проблема исключения конституционного «беспорядка» во власти и обществе. Посредством «распределения» и «индивидуализации» формировалась новая политическая реальность, в которой индивидуализация политических субъектов происходила путем детальной сегментации и «клеймения» («за» новую власть – «против» новой власти) их деятельности. И в том и в другом случае процедуры «закрытых дисциплин» использовались в качестве средств развития «открытых дисциплин».

То есть новая власть и новое общество для наведения порядка и обеспечения собственного воспроизводства достаточно эффективно применяли «закрытые» технологии советского прошлого. Имел место и обратный процесс, в котором с помощью средств и технологий демократического транзита решалась задача «размыкания» «закрытых дисциплин» и их превращения в «открытые дисциплины». Вертикализация власти осуществлялась, в том числе, путем дисциплинирования тех индивидов, которые были вовлечены во властные отношения и могли быть субъектом их развития (реформа государственной службы). Аналогичным образом происходило дисциплинирование различного рода дисциплинарных аппаратов (административная реформа) и дисциплинарных институтов (исполнительной и представительной власти). «Размыкание» политической реальности также было связано с использованием потенциала различного рода «открытых» дисциплинарных механизмов: демократических выборов и политических технологий. Естественно, что в условиях постсоветского термидора, в процессе строительства «вертикали власти» и новой политической реальности процедуры «размыкания» практически на равных взаимодействовали с обратными процедурами, что лишний раз свидетельствовало о переходном характере данного этапа развития постсоветского общества и постсоветской власти. В результате их взаимодействия, взаимооборачивания и взаимопроникновения «закрытых» и «открытых дисциплин» формировалась достаточно устойчивая и, в принципе, позитивная платформа, на основе которой решалась такая сложнейшая проблема управления несвободой, как освобождение свободы власти. В этом процессе фактически была создана новая матрица управления несвободой – она обеспечивала переход от несвободы общества к свободе власти.

Управление несвободой – это, как мы уже отмечали, особая модальность процесса дисциплинирования. Когда оно осуществляется не в форме рефлексии в собственные основания развития (взаимодействие «закрытых» и «открытых» дисциплин), а путем инверсии свободы власти в несвободу общества, в иные дисциплинированные и недисциплинированные пространства, становится принципиально новая форма ее социального проявления. В результате такого рода оборачивания процесс управления несвободой превращается в универсальную дисциплинарную схему, которая объединяет различные процедуры **администрирования**. Она и оказывается, в конце концов, той самой матрицей управления несвободой, которая обеспечивает историческое самоопределение постсоветского термидора.

Власть всегда, во все времена претендовала на то, чтобы быть основной, системообразующей противоположностью ее противоречивого единства с обществом. Это – закон развития всякой властной реальности. Тоталитаризм делает его законом воспроизводства и развития не только власти, но и истории. Не просто отождествляет два относительно самостоятельных вида реальности, но полагает в качестве основного закона и предельного основания развития их тождества власть. С помощью различных средств социалистического строительства тоталитаризм утверждает безусловное главенство власти во всех сферах общественной жизни. Важнейшим из этих средств во времена господства советского народовластия была процедура администрирования тождества власти и общества.

В результате триумфального шествия советского народовластия по просторам российской истории их тождество превратилось в особую **административную реальность**. С формальной точки зрения, она существует как совокупность определенных дисциплинарных аппаратов, институтов, должностей (процедур и технологий) и системы отношений между ними. В административной реальности доминируют процедуры централизации решений, неукоснительного исполнения директив, постоянного контроля, абсолютного подчинения по вертикали. Они осуществляются в форме аппаратной, машинообразной, официальной, автоматической деятельности по исполнению предписаний некоего «государственного дела». Эта особым образом формализованная деятельность создает неповторимый административный стиль управления. Его носителями и адептами были не только «солдаты партии» и «труженики индустриальных штабов» (Г. Попов), но и все иные винтики универсального административного механизма советского народовластия. В рамках административной реальности многообразная и многофункциональная деятельность соответствующих дисциплинарных аппаратов и институтов регулируется отношениями административной зависимости: в форме «приказа» и «назначения». Их взаимосвязь и взаимозависимость является постоянно действующим источником рождения и развития развернутой, структурированной, иерархически выстроенной сети специфических отношений, попадая в которую, отдельные организации и должности с помощью приказов и назначений не просто хаотично или организованно перемещаются, но производят определенные действия по известному принципу «стимул-реакция». В роли стимула выступает приказ, а в единственно адекватной реакции на приказ является его исполнение: «не надо понимать приказ, надо воспринимать сигнал и немедленно на него реагировать, следуя заранее установленному более или менее искусственному коду» [10, с.242]. Эффективность деятельности различных субъектов административной реальности измеряется тем, насколько качественно и своевременно исполнен приказ и сколь успешно и беспрепятственно он движется по многочисленным формализованным и неформаль-

ным сетям различных организаций, в какой степени он продуктивен в процессе воспроизводства системы разных административных отношений между должностями. Казалось бы, административная реальность полностью замыкает властную реальность на саму себя, погружая в хитросплетения ее самодостаточного бытия все многообразие властных и социальных отношений между людьми. Однако это не совсем так, ибо, в конечном итоге, смысл ее исторического существования заключается не в том, чтобы превратить все, что попадает в эти сети, в функцию самодвижущихся приказов, установлений и циркуляров, а в том, чтобы создать необходимые условия для управления несвободой. Не она превращает свободу в несвободу, но именно административная реальность из самой себя порождает наиболее эффективные механизмы и процедуры управления ей.

В условиях административной реальности «тоталитаризма-социализма» возникла особая дисциплинарная схема ее рефлексии в предельные основания собственного бытия. В результате этого процесса в административном зазеркалье истории появились такие объективные законы ее развития, которые совместно с различными процедурами принуждения обеспечивали расширенное воспроизводство основных технологий и инструментов социалистического строительства. Поскольку зарождаются они в зазеркалье истории, то в реальном историческом процессе проявляются в виде специфических «законов-паразитов», которые могут жить и развиваться только за счет скрытого потенциала административной реальности. Важнейшим из них является коррупция [7].

В силу своей паразитарной природы данные законы оказались наиболее чувствительны к тем глубоким и существенным трансформациям, которые случились с советским тоталитаризмом и социализмом в конце двадцатого, начале двадцать первого века. Они сумели уловить и использовать в своих интересах пока еще очень слабые и разрозненные сигналы тех тектонических процессов обновления предельных оснований развития индустриального и дисциплинарного общества, которые в различных революционных и контрреволюционных формах, так или иначе, но все-таки пробивались сквозь различные «шумы» демократической трансформации. И что самое главное, они начали их активно модулировать. В результате «законы-паразиты» тоталитарного общества, в том числе и коррупция, превратились в своеобразную матрицу контроля над общественным развитием – «сито, отверстия в котором постоянно меняют свое расположение». С помощью различных технологий администрирования они стали базовыми процедурами деятельности своеобразного административно-квантового генератора, который начал производить энергию общественного развития за счет собственной модуляции.

«Новая» (постсоветская) коррупция – это уже не «закон-паразит», но особая модуляция административной реальности постсоветского общества. И если в «обществе контроля» «важны уже не подпись или номер, но шифр» [3, с.229], то ключевым шифром современного российского общества, с помощью которого оно пытается открыть потайную дверь в постиндустриальный мир, становится взятка: она «допускает вас к информации или отказывает в допуске» [3, с.230]. Взятка (шифр) – это пароль, который позволяет выстраивать эффективные социальные и властные коммуникации и решать те задачи, которые ранее решались исключительно с помощью «лозунгов» (Ж. Делёз). И, если, как считает Ж.Делёз, змея – «это животное обществ контроля» [3, с.230], то символом и паролем нашего, в очередной раз переходного и догоняющего, общества является змея, пожирающая свой хвост, – коррупция.

Коррупция выступает важнейшей технологией администрирования свободы власти в условиях постсоветского термидора. Она раскрывает суть взаимодействия свободы и несвободы в процессе администрирования власти и общества. Посредством коррупции администрирование оборачивается на само себя, погружается в предельные основания своего развития (свободу власти) и затем, как Феникс, восстает из пепла для того, чтобы превратить «освобожденную» власть в основополагающий принцип воспроизводства несвободы общества. Администрирование и коррупция – это глубоко взаимосвязанные между собой «скромные модальности, стелющиеся методы» [10, с.249] управления несвободой.

Если рассматривать и определять коррупцию предельно абстрактно, то мы увидим, что она представляет собой способ трансляции и адаптации, расширенного воспроизводства и обновления отношения власти и не-власти (общества и гражданина). Способ взаимодействия между «государственным человеком» (А. Платонов) и «гражданином преестественным» (Р. Салтыков-Щедрин), которые в этом процессе замещают и особым образом представляют интересы и полномочия власти, так же как потребности общества и интересы составляющих его граждан. В результате соответствующих действий они обмениваются между собой самым важным и сокровенным, что у них есть, – своими свободами. «Гражданин-начальник» отдает то, что у него есть как у представителя власти – отдает свободу властвования. А просто гражданин кладет на алтарь коррупции свою социальную и гражданскую свободу. В результате коррупционного обмена свободами гражданин и общество приобретают несвободу, становятся все более и более зависимыми от власти, а власть, частично «теряя» свою свободу, за счет приватизации ее различного рода мелкими и крупными начальниками, присваивает свободы «преестественных

граждан» и тем самым компенсирует свои естественные потери.

Общество контроля – это особый способ управления свободой. Современное российское дисциплинарное общество более или менее рационально и эффективно управляет несвободой. Субъектом этой странной деятельности, которая при ближайшем рассмотрении, по сути, не является контролем и, тем более, управлением, а осуществляется исключительно как процесс администрирования тождества власти и общества, оказывается коррупция – особая логика дисциплинирования дисциплин, дисциплинарных механизмов и аппаратов, дисциплинарного общества и, наконец, собственно, процесса дисциплинирования. Для того чтобы остановить, прекратить процесс поедания змеей собственного хвоста, следует, как бы это ни казалось странным и невозможным, обернуться в его начало и произвести простое и понятное действие – вернуть людям свободу и гражданскую ответственность. В свое время путем коррупционного обмена и социального принуждения их обменяли на бусы и огненную воду классовой справедливости. Теперь, если мы стремимся перейти от дисциплинарного общества к обществу контроля, если мы хотим управлять не несвободой, а свободой, следует вернуть человеку его естественное право на историческую самодеятельность.

Будучи «скромными модальностями» процесса управления несвободой, администрирование и коррупция должны были, в конечном итоге, обеспечить самоуправление несвободы. Когда М. Фуко анализировал становление дисциплинарных механизмов «автоматического функционирования власти», он выделял три способа их реализации: «функциональную инверсию дисциплин», «роение дисциплинарных механизмов» и «государственный контроль над дисциплинарными механизмами». По его мнению, именно они опосредовали процесс превращения дисциплинарного общества «в такое устройство, где отправление власти не добавляется извне (как жесткое принуждение или тяжесть) к функциям, в которых он (Паноптикон. – *В.Л.*) участвует, но присутствует в них столь тонко и ловко, что повышает их эффективность, одновременно укрепляя свои точки сцепления». [10, с.302–303] В условиях постсоветского термидора эти дисциплинарные механизмы особым образом сцепляют между собой администрирование и коррупцию. В результате чего их связь превращается в некий «технологический» базис самообоснования несвободы – в важнейшую историческую силу, которая автоматически управляет несвободным миром.

Их практическая связь в условиях постсоветского термидора превратила мечту многих поколений власть имущих об автоматическом, простом, эффективном и невидимом функционировании власти в страшную реальность. М. Фуко, ссылаясь на мнение Жака Антуана Ипполита Гибера, так характеризовал ее: «рисуемое мной государство будет иметь простое, надежное, легко контролируемое управление. Оно будет напоминать огромные машины, которые с помощью чрезвычайно простых средств достигают поразительных результатов. Сила этого государства будет проистекать из его собственной силы, благополучие – из его собственного благополучия. Время, которое разрушит все, умножит его мощь. Оно опровергнет ходячий предрассудок, будто империи подвержены неумолимому закону упадка и разрушения» [10, с.247]. В конце концов, ведь для тех, кто думает, что управляет постсоветским термидором, неважно, что в действительности они имеют дело не с управлением государством, а с особыми процедурами управления несвободой власти и общества. Для этих субъектов главное и основное – чтобы управление «огромными машинами» несвободы было простое, экономное, надежное и контролируемое.

Несколько последних десятилетий весь цивилизованный мир занят поиском форм и средств управления свободой, связывая с решением этой эпохальной задачи свои перспективы перехода от индустриального к постиндустриальному способу развития. Российское общество и власть последние пятнадцать лет настойчиво и целеустремленно, с помощью различных дисциплинарных схем («функциональной инверсии», «роения», «государственного контроля») решают иную задачу – пытаются создать надежную и эффективную систему управления несвободой. Почему так получилось, и почему мы опять идем не в ногу с наиболее развитыми странами современности?

Основные процедуры администрирования несвободы общества и «сборки» Хомократа («функциональная инверсия дисциплинарных механизмов»)

Функциональная инверсия дисциплинарных механизмов, по мнению М. Фуко, это не «просто шарнир, или теплообменник между механизмом власти и функцией, но способ заставить отношения власти действовать в некой функции, а функцию – действовать через отношения власти» [10, с.303]. Она является механизмом оборачивания и погружения социальной реальности в саму себя как властную реальность. С помощью инверсии эта реальность становится единой, а сила и эффективность ее дисциплинирования существенно возрастают, но не сами по себе, а благодаря достигнутому единству. В условиях постсоветской истории она осуществляется в виде четырех относительно самостоятельных процедур дисциплинирования общества и власти: как **концентрация, централизация, институционализация и демократизация** властных отно-

шений. Эти дисциплинарные процедуры обеспечивают, с одной стороны, превращение советской власти и общества в такую административную реальность, в которой свободная власть по своему образу и подобию с помощью коррупции творит несвободу общества. С другой стороны, следует помнить, что в результате функциональной инверсии кардинальным образом меняются не только соответствующие траектории развития «тела общества» (М. Фуко), но и формы властного воспроизводства соответствующих «тел индивидов». Рассмотрим эти два процесса в их взаимосвязи более подробно.

Функциональная инверсия советского народовластия и советского человека в собственные основания развития порождает необходимые и достаточные условия для существенного увеличения степеней свободы обновленной власти. Посредством администрирования власть активно и целенаправленно формирует из остатков советского народа как новой исторической общности множество «полезных индивидов» (М. Фуко), наличие которых является необходимым условием ее административного освобождения. Достаточными же эти условия становятся тогда, когда советское народовластие и вместе с ним советский человек с помощью особых дисциплинарных механизмов навсегда покидают те маргинальные позиции на задворках общества, которые они, несмотря на все идеологические заклинания, занимали при социализме. Когда с помощью отделения от господствующих при тоталитаризме дисциплин «исключения» и «искупления», «заточения» и «затворничества» власть и индивиды укореняются в наиболее важных и продуктивных секторах общественной жизни, «присоединяются к некоторым существенно важным функциям» [10, с.309] ее развития.

В результате концентрации власти в условиях антитоталитарной революции, то есть в процессе ее функциональной рефлексии возникает такая форма административного синтеза экономики и политики, как олигархический капитализм. Процесс ее централизации завершается формированием единого административного (властного) центра постсоветского общества – президентской республики. По мере того как постсоветская власть с помощью институциализации обретает свободу и оборачивается в единую для общества, индивидов и власти систему административных (должностных, организационных, управленческих) отношений, она, хотя и формально, становится универсальным способом разделения и синтеза различных дисциплинарных институтов и аппаратов – превращается в «правовое государство». В процессе демократизации, то есть оборачивания в предельные основания функционирования советского народовластия, происходят существенные изменения в способах и формах осуществления «свободной» власти – она становится формально демократической. С помощью соответствующих дисциплинарных процедур формально-демократическая власть создает новую административную реальность, в которой мнимая демократия в формах свободного волеизъявления граждан представляет и замещает только одно – административную свободу освобожденной от тоталитарного пресса власти.

В результате функциональной инверсии дисциплин власть становится такой социальной силой, которая постоянно увеличивает свой потенциал за счет общества. Именно так и происходит в процессе концентрации, централизации, институционализации, демократизации постсоветской власти. Но как только возникает проблема административного освобождения свободы власти, так сразу же на первый план выходит коррупция, которая существенным образом деформирует, извращает и фетишизирует все эти административные процессы и их результаты.

На этапе постсоветского термидора созданная в условиях антитоталитарной революции и ее функциональной инверсии административная реальность получила новый импульс к развитию за счет оборотной стороны администрирования – за счет коррупции. Она таким образом скорректировала действие отмеченных выше процедур административного строительства царства свободы новой власти, что, в результате, олигархический капитализм с помощью активного клонирования государственных олигархов и соответствующих форм их хозяйствования (государственных корпораций) превратился в особую олигархическую форму развития (извращения и фетишизации) государственного капитализма. В результате такого рода концентрации власти во власти она стала основным ресурсом управления экономической и политической несвободой общества. Данный ресурс активно использовался в процессе постреволюционного развития революции с помощью специфических дисциплинарных инструментов, которые позволяли не только сконцентрировать, но и централизовать власть таким образом, чтобы максимально обеспечить ее коррупционную эффективность. Речь в данном случае идет о превращении президентской республики в более простую и понятную дисциплинарную схему централизации власти – во «властную вертикаль». С ее помощью формировалась административно-коррупционная система отношений между различными дисциплинарными институтами, аппаратами, технологиями властвования. Она значительно усиливала потенциал свободы власти и, одновременно с этим, открывала перед ней принципиально новые возможности по управлению несвободой общества. Единая властная вертикаль делала этот процесс более эффективным и продуктивным. Она не просто вовлекала общество в свои административные игры, но активно и целенаправленно коррумпировала деятельность различных общественных институтов и

структур. В результате такого рода централизации власти коррупционный сговор власти и общества становился основным принципом развития их единства. Он обеспечивал «справедливый» обмен свобод общества на определенный властный порядок. Властная вертикаль гарантировала порядок при условии, что общество передаст ей часть своих свобод.

В эпоху постсоветского термидора процесс институциализации властных отношений осуществлялся не путем их формально-административного объединения в рамках обновленной административной реальности («правового государства»), а посредством существенного усиления их далеко не формального воздействия на общество. В новых исторических условиях накопленный в годы антитоталитарной революции потенциал административного строительства «свободы» власти превратился в мощную «административную машину» (М. Фуко), которая стала выполнять функции двигателя внутреннего сгорания для постсоветской экономики и политики. Та административная реальность, которую из различных общественных институтов и отношений с помощью коррупции создавала эта машина, была не только способом консолидации и объединения различных форм их активности, но, что самое главное, она порождала из самой себя, была постоянно действующим источником развития несвободы общества. Мы называем эту реальность, форму и продукт ее институционализации «административным ресурсом». Он был не просто двигателем экономического и политического развития постреволюционного развития постсоветского общества. Коррупция сделала его единственным, во всяком случае, наиболее эффективно действующим субъектом управления несвободой общества. Административный ресурс не просто вовлекал, осваивал, присваивал различные институциональные схемы, процедуры, институты, аппараты общественной жизни, но за счет консолидации их потенциала, концентрации их деятельности на решении проблем институционального саморазвития административной реальности превращал свободу в несвободу общества. В результате обретения с помощью коррупции собственной свободы, административный ресурс становился таким субъектом, который свободу общества превращал в его несвободу – управлял этим сложным и противоречивым процессом.

В условиях постсоветского термидора демократизация власти и общественной жизни существенно увеличивала потенциал несвободы общества и создавала максимальные условия для того, чтобы в рамках одемокраченной административной реальности общество могло постоянно и в расширенных масштабах самостоятельно воспроизводить свою несвободу. Демократически избранная власть стала надежным ресурсом и средством самоуправления несвободного общества. Оно с помощью административного подкупа и коррупционного обмена свободы на мнимый демократический порядок не просто воспроизводило в себе некие штампы несвободы, но активно и целенаправленно использовало их в целях существенного усиления потенциала своего административного самоуправления. Концентрация, централизация, институционализация постсоветской власти с помощью формально-демократических выборов, а фактически – администрирования и коррупции, существенным образом извратили суть и смысл демократического транзита и его результатов. И когда постсоветское общество попыталось с помощью таким образом препарированной административной и манипулятивной демократии решить проблему собственного самоуправления, оказалось, что сделать это оно могло исключительно посредством административного потенциала государственного капитализма, используя основные процедуры самоопределения властной вертикали и соответствующие технологии административного ресурса. Фактически это был исчерпывающий список инструментов, которые «одемокраченный» термидор мог предложить постсоветскому обществу для решения проблем его самоуправления. Возможность их объединения, а также повышения эффективности действия всецело определялась коррупцией. В конце концов именно она была той превращенной формой, которая процедуру самоуправления общества делала универсальной процедурой управления его несвободой. Будучи основной формой властного самоопределения постсоветского общества, демократически избранная власть с помощью этих инструментов могла управлять, но только и исключительно несвободой общества. При помощи коррупции она превратила его несвободу в важнейшую модальность «автоматического» (М. Фуко) функционирования и развития общества.

Коррупция управляла им посредством функциональной инверсии тех дисциплинарных механизмов (государственный капитализм, вертикаль власти, административный ресурс и административная демократия), которые создали на «развалинах» антитоталитарной революции новый дом постсоветского термидора. Инверсия превратила государственно-олигархический капитализм в «семибанкирщину» и новое «политбюро», в имитацию государственно-частного партнерства, при котором «ближний круг» властного центра в частных интересах монополизировал право распоряжения и присвоения произведенной за счет государства прибавочной стоимости. В умелых руках коррумпированной власти президентская республика сначала стала «семьей», а затем – филиалом известного кооператива. Коррупция не просто активно воспроизводила и широко транслировала все новые и новые формы административных отношений («откат», «распил», «крышевание», «рейдерство» и т.п.), но всячески

способствовала их институционализации в качестве основополагающих механизмов «горизонтализации» общественной жизни и «вертикализации» власти. В результате коррупционной экспансии в административно-командной пирамиде новой властной реальности оставались лишь те административно-аппаратные отношения, которые беспрепятственно пропускали сквозь себя коррупционные сигналы, способствовали их повсеместному распространению. Коррупция всячески содействовала превращению этих извращенных и фетишизированных отношений в единый и неделимый административный ресурс, который власть активно использовала в целях еще большей демократизации посттоталитарной властной и общественной жизни. В результате их администрирования и коррупционного перерождения производство человека эпохи постсоветского термидора превратилось в конвейер, на котором с помощью административного ресурса власти и ворованных политических технологий штамповалось множество «полезных индивидов». Самым полезным качеством произведенного таким образом продукта, с точки зрения производящей его власти, было то, что он служил надежным источником и гарантом ее бесконечной избираемости. Мы называем произведенного антитоталитарной революцией и производящего постсоветский термидор «полезного индивида» постсоветской истории особым термином – **хомократ** (Homo (лат.) – человек, Kratos (греч.) – власть).

Важнейшей технологией изготовления «полезных индивидов» в условиях постсоветского термидора, как уже отмечалось, была коррупция. Она естественно и достаточно эффективно вписалась в общий процесс администрирования несвободы, заняв в нем главенствующее место. Этому в значительной степени способствовал тот факт, что, пережив бурное время первоначального накопления капитала, постреволюционное российское общество семимильными шагами отправилось догонять всех тех, от кого мы за годы социалистического строительства отстали, – бросилось вдогонку за потребительским обществом. Что не могло не способствовать широкому распространению различного рода коррупционных дисциплинарных схем и процедур. Они-то и исполняли главную роль в процессе «разборки» и последующей «сборки» «полезных индивидов» – хомократов.

Властная «разборка» индивида осуществлялась в формах администрирования и с помощью коррупции в процессе замены революции – стабильностью, хаоса – порядком, производства – активным потреблением. С «разбираемым» индивидом разговаривали примерно так: «Ты нам отдаешь свою свободу – “свободно” изъявляешь свою волю в процессе демократических выборов, а мы тебе, учитывая твою усталость от революций, гарантируем стабильность и относительный порядок. Ты нам отдаешь свою свободу, а мы тебе взамен китайско-турецкий ширпотреб и мясное изобилие без карточек». Не всегда этот обмен был равноценным, иначе откуда бы взялись в стране местные и неместные олигархи. Но в целом паритет сохранялся. Общая масса свободы, так же как и несвободы, практически оставалась без изменения, но с помощью коррупционных механизмов она перераспределялась между различными властными центрами и субъектами. И не только перераспределялась. Скорость и амплитуда ее исторического вращения вокруг своей собственной оси существенно увеличивалась, что в конечном итоге создавало серьезные препятствия для решения проблем детоталитаризации современной российской истории.

Коррупционный обмен свободами является не только особым дисциплинарным механизмом «разборки» индивида, но и специфической технологией изготовления его властной полезности. «Сборка» полезных индивидов и превращение их в хомократов происходит на совершенно других основаниях, нежели их «разборка», но с помощью все тех же коррупционных механизмов. В советское время вместо свободы индивиду в качестве универсальной формы его социального бытия предлагалась «справедливость» – сначала классовая, затем общенародная. В постсоветское время, когда антитоталитарной революции понадобились новые хомократы, власть частично вернула им свободу, замещая справедливость развитого социализма участием в ваучерной приватизации и демократическом транзите. В эпоху постсоветского термидора коррупционные механизмы стали надежной основой социально-экономической стабильности и гражданского порядка. С их помощью устанавливался баланс между потреблением властью свобод граждан и потреблением гражданами своих несвобод, а также потреблением ими тех перераспределенных материальных благ, которые с помощью государственного принуждения удалось забрать у «разобранных» олигархов. После административных «разборок» советских и постсоветских властных отношений собирать полезного власти хомократа стало достаточно сложно – накопилась некоторая усталость от несвободы. Поэтому пришлось вернуться к проверенным образцам и апробированным в советское время способам взаимодействия коррупции и государственного принуждения. С их помощью удалось в целом стабилизировать процесс стабильного производства «полезных индивидов» и обеспечить расширенное воспроизводство соответствующих механизмов и технологий коррупции.

«Сборка» хомократа является, говоря словами М. Фуко, «оборотом политической оси индивидуализации» [10, с.282]. В результате этого оборота, который в нашем случае инициирует и обеспечивает коррупция, власть становится все более анонимной и функциональной, а люди, участвующие в ее сборке, все

более индивидуализируются. «Нисходящая индивидуализация» позволяет власти с помощью надзора, наблюдения, сравнительного измерения и допустимого отклонения создать новую «политическую анатомию тела индивида». Не просто соединить вместе некоторые историко-ритуальные качества индивидуального бытия постсоветского человека, но с помощью специфической технологии власти (администрирования) произвести «полезного» для власти индивида.

Хомократ является продуктом функциональной инверсии администрирования и коррупции в несвободу – является важнейшим результатом самоопределения постсоветского термидора. Попадая по воле случая или по зову сердца, как объект манипулирования или средство политического строительства в процесс воспроизводства системы властвования, он из произведенной совокупности административно-коррупционных отношений становится ее ключевым производящим элементом. «Разобранно-собранный» с помощью функциональной инверсии администрирования и коррупции хомократ является если не единственным, то наиболее продуктивным источником дисциплинирования власти и общества в эпоху постсоветского термидора. Вместе с тем, достигнутый им уровень «полезности» не позволяет ему стать полноценным субъектом управления несвободой и строителем на обломках антитоталитарной революции свободной от свободы общественного самоуправления административной реальности. С помощью процедур формальной демократии хомократ вытесняется из активной общественной и властной жизни, преобразуется в винтик огромного административно-коррупционного аппарата. Став с помощью администрирования и коррупции во всех отношениях приятным и полезным для власти индивидом, он превращается в исторического маргинала, в простую функцию процесса управления несвободой. Становится могущественным членом элитарного клуба «молчаливого большинства».

Коррупция превратила строителей светлого будущего в строительный материал, а иногда и в строительный мусор, который власть активно, с помощью различного рода манипулятивных технологий использовала для возведения на обломках тоталитарной властной реальности очередной пирамиды административно-коррумпированного счастья. И что еще очень важно подчеркнуть, в результате такого рода функциональной инверсии, администрирования свободы власти и несвободы общества большинство процедур и механизмов, институтов и форм организации общественного самоуправления, подавляющее большинство форм демократического устройства активно вытесняются на задворки общественного сознания и самые далекие окраины общественной жизни.

Основные «тактики» администрирования и коррупции («роение дисциплинарных механизмов»)

«Роение» дисциплинарных механизмов представляет собой совокупность процедур и технологий их «размножения», движения в «свободном» состоянии, «раздробления», «расползания», «пронизывания», «передачи и адаптирования», «распространения». В процессе и результате «расползания» по телу общества и «пронизывания» ими всех без исключения властных и невластных отношений возникает два устойчивых и воспроизводимых способа существования власти в обществе. М. Фуко называет их «идеальной формой» [10, с.301] и «абстрактной формулой» [10, с.330]. Именно они обеспечивают самообоснование власти и общества – их оборачивание в самих себя, а также появление, в результате этих превращений, особой «диаграммы власти» и так называемого «общества надзора».

В процессе распространения различного рода дисциплинарных процедур и схем осуществляется «анализ», «распределение», «различение», «сравнение» действий рассеянной, многообразной, поливалентной «множественной власти» во всем теле общества. Данный способ властного самополагания М. Фуко назвал идеальной формой «диаграммы механизма власти». Посредством ее происходило как бы отделение власти от множества ее конкретных проявлений и выделение в обществе особых «очагов контроля», с помощью которых базовые идеальные техники «роения» закрытых и открытых дисциплинарных механизмов превращались в универсальную диаграмму власти. «Роение» осуществляется не только как распространение власти, но и в форме «пронизывания» социальной реальности различного рода дисциплинарными схемами и процедурами. В этом случае основным механизмом властного «пропитывания» общества оказывается уже не процесс его различения и анализа, а процедура обобществления – некая абстрактная формула обобщения деятельности множества «очагов контроля». В результате ее действия произведенные «очаги контроля» превращаются в специфические устройства обобщения, в такие дисциплинарные аппараты, с помощью которых дисциплинарное общество становится из «общества зрелищ» «обществом надзора». Таким образом, в процессе распространения механизмов дисциплинирования и пронизывания дисциплинарными механизмами социальных и властных отношений формируется программа базового, низового функционирования дисциплинарного общества («очаги контроля») и становится сеть вездесущих и недремлющих дисциплинарных устройств («аппаратов»), которые обеспечивают укрепление его социальных сил за счет превентивности, непрерывности и

автоматизма действия власти.

М. Фуко говорил о такой абстрактной формуле, которая раскрывает суть и смысл действия универсального механизма дисциплинарного обобществления единства общества («программа базового функционирования») и власти («сеть дисциплинарных устройств»). В отличие от идеальной формы, которая лишь сопрягает различные процедуры и технологии дисциплинирования, абстрактная формула, обобщая множественные действия различных дисциплинарных механизмов, обеспечивает определенное качество контроля: постоянство, безграничность, исчерпывающий и вездесущий характер надзора и управления.

В условиях постсоветского термидора идеальная форма и формула «роения» дисциплинарных механизмов отражают и выражают логику становления специфической системы управления несвободой. Идеальная форма фиксирует основные закономерности распространения административных механизмов и процедур освобождения свободы власти. Формула же особым образом представляет способ освобождения освобожденной властью общества от свободы – административно-коррупционный механизм становления его несвободы. Вместе они устанавливают ключевые закономерности дисциплинирования посттоталитарного общества и постреволюционной власти, и, что самое важное, скрытую логику действия тех дисциплинарных схем, которые обеспечивают управление их несвободой.

В целях распространения дисциплинарных механизмов и пронизывания ими различных общественных отношений и структур власть применяет «четыре основных метода: строит таблицы; предписывает движения; принуждает к упражнениям; наконец, чтобы достичь сложения сил, использует “тактики”» [10, с.244]. В условиях постсоветского термидора она использовала их для того, чтобы обеспечить превентивность, непрерывность и автоматизм собственных действий, которые должны были, в конечном итоге, особым образом укрепить социальные силы общества. Эти методы дисциплинирования были объединены некой идеальной формой, которая гарантировала не только эффективность их самостоятельного функционирования, но и за счет их «сложения» – достижение особого качества сопряжения действий власти и общества. В условиях постреволюционного развития антитоталитарной революции идеальная форма «роения» дисциплинарных механизмов проявлялась в виде следующих процедур администрирования отношения власти и общества: **идеологической фундаментализации** («предписывает движения»), **социальной стратификации** («строит таблицы»), **административной регламентации** («принуждает к упражнениям»), **экономической и политической манипуляции** (складывает силы в «тактики»). Вместе они создавали своеобразную диаграмму освобождения свободы власти из пут несвободы общества и превращения «очагов контроля» в особые зоны коррупции. Каждая из них была своеобразной точкой роста несвободы. В ней происходило таинство административного оборачивания свободы власти в несвободу общества. Получается так, что коррупция была не только закономерным результатом административного преобразования «очагов контроля», но и средством их превращения в активно действующие административные аппараты. Она как бы собирала, сопрягала, складывала различные властные и общественные силы с тем, чтобы значительно усилить административный эффект их воздействия на власть и общество. И в первую очередь, обеспечить из этих зон эффективное управление несвободой общества.

С помощью идеологической фундаментализации власть стремится, во-первых, вычленить, картографировать основные экстенсивные траектории распространения тех общественных настроений, социальных инстинктов и верований, которые формируют своеобразную «программу базового, низового функционирования» [10, с.306] духовной жизни общества, отделить их от всего наносного, чрезмерно сложного, не нашего, бесполезного для власти, во-вторых, сконструировать из полученного таким образом исторического материала некий духовный фундамент (идею) властвования и с помощью различного рода заимствованных и придуманных вновь идеологем законсервировать его самодостаточное бытие, объявив полученный таким образом извращенный продукт духовной традицией, народным духом, ментальностью нации и т.п., в-третьих, превратить полученный «консервант» в своеобразную «дорожную карту», предписывающую каждому захваченному властью индивиду определенный набор полезных для власти умственных действий и практических движений [4].

Посредством особым образом организованной социальной стратификации в «котловане» (А. Платонов) классовой истории создавались новые «человеческие множества», обновлялись старые комбинации их властного бытия и в этом постоянно бурлящем властном бульоне рождались во всех отношениях полезные для власти дисциплинированные индивидуальности и «очаги контроля» за ними. В результате строительства властью различных социальных «таблиц» на авансцене истории оказывались бывшие «комсомольцы-олигархи», «красные директора», «челночники», бюджетники, федеральные и региональные элиты, государственные и муниципальные служащие, выборщики, «рассерженные горожане», средний класс, внутренние мигранты и т.д. и т.п. Их бесконечные флуктации происходили на фоне соответствующими же «таблицами» организованного хаоса социальных взаимодействий, который, в свою очередь, с помо-

щью «таблицы всех таблиц» порождает в себе множество «очагов контроля» за социальной активностью «новых-старых» элит. Административно-социальная стратификация обеспечивает особым образом организованную индивидуализацию и автономизацию социальных и властных отношений постсоветского общества. Она с помощью особых «таблиц» структурирует деятельность уже существующих форм властвования и общественной активности, а также инициирует их объединение на принципиально новых основаниях. В результате чего различные отряды номенклатуры становятся новыми экономическими и политическими элитами. А обслуживающие их общественные организации превращаются в административные органы новоявленного гражданского общества. Наконец, последнее. С помощью «таблицы всех таблиц» эти элиты и органы становятся постоянно действующими «очагами контроля» над властью и инструментами управления несвободой общества.

Для того чтобы обеспечить эффективное «роение» соответствующих административным образом стратифицированных дисциплинарных механизмов, необходимо научиться управлять социальным хаосом и властными рисками. Но сделать это всегда сложно. Проще решить данную задачу с помощью привлечения всех желающих к административному «принуждению к упражнениям». В основе действия этого дисциплинарного механизма лежат простые и незамысловатые отношения между стимулом и реакцией. Административная регламентация деятельности индивидов и дисциплинарных аппаратов, с одной стороны, является процедурой аппроксимации, то есть сведения сложного к простому, с другой стороны, она посредством «упражнений» превращает простое и специальным образом упрощенное действие в цепочку достаточно сложных и специальным образом перепутанных комбинаций. В результате неустанных административных упражнений, выполненных по соответствующим регламентам, у индивидов и аппаратов формируются и остаются для жизни не так уж много реакций. В конечном итоге все они сводятся к одной – неукоснительному исполнению соответствующих административных приказов и директив. В условиях постреволюционного развития антитоталитарной революции административная регламентация не только активизировала соответствующие методы советского народовластия, но и достаточно успешно использовала в целях строительства новой административной реальности различного рода правовые, моральные нормы и идеологические конструкты. При этом, она всецело подчинила их действия достижению одной цели – обеспечению стабильности (преемственности и легитимности) существующей власти.

Особым искусством является деятельность по построению с помощью различных экономических и политических «тактик» верноподданных исполнителей в стройные ряды строителей новой административной реальности. Столь же изощренной и непредсказуемой может быть деятельность по сопряжению между собой различных аппаратных устройств, кодированных видов их деятельности и уже приобретенных в результате идеологического зомбирования, хаотичной стратификации и административных упражнений принципиально новых навыков дисциплинирования. Этим искусством отцы-основатели постсоветского термидора практически не владели. Поэтому за основу были взяты те образцы сопряжения и сложения различных социальных и властных сил, те способы их превращения в «тактики» распространения свободы власти, которые до этого момента, активно использовались в процессе социалистического строительства: административная мобилизация и социальное принуждение. В новых исторических условиях суть данных процессов и «тактик» не поменялась, а вот инструменты, с помощью которых сопрягались и складывались различные властные и социальные силы, изменились существенно. Широкое распространение получили дисциплинарные схемы, которые объединяли значительные ресурсы и средства вокруг процессов имитации и симуляции политической и экономической деятельности. С помощью различного рода манипулятивных технологий и устройств формировалось такое административное пространство, в котором различные идеальные формы свободы властвования складывались и превращались не просто в «очаги контроля», но становились механизмами управления свободой власти. В экономике посредством администрирования формировались определенные имитационные зоны, которые симулировали процедуры ее качественного обновления и превращения в рыночную экономику. Достаточно вспомнить залоговые аукционы девяностых годов и создание государственных корпораций в двухтысячных. Нечто подобное происходило и с политической реальностью. С помощью административного ресурса и ручного управления в ней складывались такие имитационные псевдополитические отношения, которые превращали эту реальность в «гиперреальность» (Ж. Бодрийяр) – в господство симулякров, замещающих действительную реальность знаками реального. Манипулировать «знаковыми» партиями и общественными движениями, ирреферентными выборами и настроениями людей значительно проще, чем из различных политических сил и социальных предпочтений создавать новую, способную к воспроизводству и обновлению политическую реальность. Постсоветский термидор – это время активного и масштабного строительства административной гиперреальности, населенной множеством симулякров, представляющих и имитирующих не существующую рыночную экономику и демократическую полити-

ку. Они «роятся» в этой реальности, создавая из нее различного рода знаковые машины по производству исключительно свободы власти. В результате их модуляции происходит имитация ее несуществующего освобождения, за счет чего существенно укрепляет свой абсолютно реальный потенциал и рубежи несвобода общества.

В процессе дисциплинирования свободы власти в эпоху постреволюционного развития революции использовались определенные методы администрирования. Их объединяла некая идеальная форма – коррупция. Будучи рефлексивной формой развития администрирования, она проявлялась исключительно как абстрактная формула обобщения функционирования дисциплинарных процедур и их преобразования в аппараты управления. В результате она делала методы администрирования особыми «тактиками» властного самоопределения дисциплинарного общества. М. Фуко рассматривал четыре «тактики» роения дисциплинарных механизмов и «пронизывания» ими общества «вдоль и поперек» [10, с.306]: «клеточную», «органическую», «генетическую» и «комбинированную» [10, с.244]. По его мнению, «тактики» представляли собой не что иное, как «искусство строить из выделенных тел, кодированных деятельностей и сформированных муштрой навыков аппараты, в которых результат действия различных сил усиливается благодаря их рассчитанной комбинации» [10, с.244–245]. В условиях постсоветского термидора с помощью соответствующих «тактик» освобожденная власть превращала различные административные «очаги контроля» в аппараты, которые усиливали их административно-аппаратную деятельность до такой степени, что она становилась особой формой управления «обществом надзора». Важно подчеркнуть тот факт, что в этих условиях основным механизмом их оборачивания в административные аппараты, смысл существования которых – правильно «рассчитать комбинацию сил» и обеспечить тем самым соответствующий уровень управления дисциплинарным обществом, была коррупция. Будучи оборотной стороной администрирования, она таким образом комбинировала «силы», что в результате свобода власти оборачивалась несвободой общества. Существуя в порах соответствующих «тактик», и дисциплинируя административные «очаги контроля», коррупция добивалась автоматического функционирования несвободного общества. Создавала такие административные аппараты, которые обеспечивали не просто расширение и углубление пространства осуществления несвободы общества, но способствовали становлению соответствующих дисциплинарных механизмов его самоуправления. И все это она делала не прямо, а косвенно, опосредованно деятельностью соответствующих аппаратов и самодеятельностью некоторых дисциплинарных «тактик».

Функционирование коррупции как формулы обобщения обычно завершается двумя взаимосвязанными результатами: развитием несвободы общества и превращением его в «остроумно устроенную клетку» (М. Фуко), жизнь в которой протекает по законам «автоматизированной власти», которая, в том числе и с помощью коррупции, принуждает общество быть субъектом собственной несвободы. Когда формула становится механизмом «автоматического функционирования власти», она превращается в аппарат. С его помощью коррумпированное общество становится «началом собственного подчинения» (М. Фуко), а коррумпированная власть из «очагов контроля, разбросанных по всему обществу» [10, с.310] превращается в аппарат властвования – «единую строгую административную машину» [10, с.312]. В результате администрирования и коррупции в обществе постсоветского термидора формируются такие обобщающие аппараты, которые позволяют с помощью объединения клеточной, органической, генетической и комбинированной «тактик» существенно усилить результат действия совершенно определенных властных и социальных сил. Рассмотрим более подробно механизмы превращения соответствующих «тактик» в административно-коррупционные аппараты на примере строительства в условиях постсоветского термидора новой политической реальности.

С помощью «клеточной» тактики несуществующее, еще не созданное политическое пространство делится между тремя «идеальными» силами: коммунистическими, либеральными и какими-то иными «государственно-позитивными». При этом утверждается, что одна клеточка в административно-политической пирамиде, а именно коммунистическая, явно лишняя и со временем она исчезнет. В будущем должны будут остаться только две партии: партия власти и другая партия. Их непримиримая и принципиальная возня (борьба) вокруг власти должна будет создать не только для индивида, но и для общества в целом необходимые условия их превращения из политической силы в «полезную силу» самообоснования и развития властвующей власти. Партия власти – ведь это не просто клеточка в политической реальности постсоветского термидора. В определенных ситуациях она может стать и в действительности становится важнейшим дисциплинарным аппаратом ее обобщения и консолидации, но теперь уже не в качестве единой политической силы, а просто в виде «полезного» для самоопределения власти ресурса [5]. Любая партийная деятельность предполагает замещение и представление политических интересов и предпочтений разных общественных групп и граждан

в определенных формах и с помощью специфических технологий. Но партия власти проделывает все это особым образом. Она отрывает общественные интересы и настроения от их носителей и той почвы, которая их питает. Затем извращает их содержание и превращает полученный продукт в особые аппараты политического и идеологического принуждения. С помощью идеологических и административных аппаратов задает не только фетишизированные каноны партийной деятельности, но и обобщающие формулы для самоорганизации произведенной властной реальности. Фактически она отчуждает партию от общества, превращает ее деятельность во власть партийного аппарата. Не следует забывать, что в основе «клеточного» разделения политической реальности постреволюционного развития революции лежит все та же коррупция, которая последовательно, не пропуская ни одной бреши в социальном пространстве с помощью различных дисциплинарных механизмов и аппаратов (разделения, извращения, фетишизации партийного строительства) сводит политическую активность человека и общества к их «полезности» для власти.

Посредством «органической» тактики администрирования и коррупции политическое пространство и соответствующая деятельность по его обустройству разделяется на действия *наших* и *не наших*, деятельность системной и несистемной оппозиции. Те, которые *наши*, являются как бы неотъемлемой органической частью предшествующей богатой событиями и именами истории России и СССР. Идеологически они пытаются без особой мировоззренческой и практической рефлексии наследовать все, что было, с их точки зрения, в российской истории позитивного до Октября 1917 года. А на практике, в действительности они активно и целенаправленно работают над формированием нового «неосоветского» политического класса. Административное вытеснение «неорганических» политических сил и субъектов на задворки общественной жизни и их последующая маргинализация позволяет «органическим» силам и соответствующим субъектам, заняв их место, монополизировать реальную и вымышленную историю России и таким образом закодировать современную политическую деятельность, что она с необходимостью превращается в «органическую автономию» (М. Фуко). Например, в суверенную демократию. На наших глазах и с нашим активным участием формируется соответствующий административный аппарат «органической» самоидентификации той политической реальности, которую строят *наши* для *наших*. Речь в данном случае идет не только о таком универсальном механизме идеологической идентификации, как национальная идея (мечта), но и о таких столь же изощренных и непрозрачных аппаратах политической самоидентификации, как неуправляемая и управляемая демократия, демократические выборы и демократические не-выборы, митинги поддержки и не-поддержки и т.п. С их помощью «органическая тактика» препарирует процесс политического строительства, в результате чего он превращается в совокупность административно-аппаратных процедур автономизации существующих властных институтов – их выделения и отделения от реальной политической деятельности. Что с необходимостью ведет к появлению политики без политики. Нет особой необходимости доказывать тот факт, что в политической реальности, если она действительно желает быть «органической», но не «органически автономной», *наши* без *других* существовать и развиваться не могут. Противодействуя *не нашим*, пытаясь полностью исключить их из политической реальности, они лишают себя возможности самоидентификации в качестве позитивной политической силы общественного развития. А в отсутствие политической конкуренции они в лучшем случае смогут лишь управлять несвободой общества.

Использование «генетической» тактики позволяет принципиально по-новому организовать автогенетическую самотождественность политической реальности эпохи постсоветского термидора. В результате генетического «роения» появляются дисциплинарные аппараты, с помощью которых более или менее эффективно решаются две основные задачи «суммирования времени» исторического самоопределения постсоветской политической реальности: происходит воспроизводство удобных для современной власти элементов советской политической истории и обеспечивается стабильная преемственность (несменяемость) и непрерывность самоопределения существующего властного порядка. Важнейшим из таких аппаратов, например, был известный политический фантом под названием «тандем», который в определенных условиях практически смоделировал и достаточно успешно реализовал генетическую стабильность и преемственность процедур и институтов властвования в России. «Возвращение» в Советский Союз – генезис наоборот обеспечивается множеством разнообразных локальных и универсальных «политик» («возвращение» гимна, ГТО, избранных элементов советской истории, коллективных писем, методов коммунистической пропаганды и контрпропаганды т.п.), которые в совокупности образуют единое аппаратное пространство генетического сведения настоящего в прошлое и устанавливают между ними отношения исторической преемственности и наследования. Генетическое сведение настоящего к настоящему осуществляется в процессе стабилизации

стабильности – установления с помощью особых видов государственной политики совершенно определенного административного порядка. Генетическое сращивание различных органов власти (исполнительной, законодательной, общественного самоуправления) и субъектов государственной политики обеспечивает не только несменяемость власти, но и фактическую непрерывность процесса властвования. В результате такого рода «суммирования времени» их деятельности в политической реальности современной России происходит выравнивание полномочий и компетенций различных административных аппаратов и их генетическое сведение к единому и неделимому центру государственной власти, который и является реальным источником непрерывности властвования. Сама по себе генетическая «тактика» дисциплинирования власти и общества достаточно эффективно работает, когда она включена в процесс исторического самоопределения общества. Но в условиях постсоветского термидора, когда она превращается в универсальный и всесильный инструмент стабилизации стабильности генетически жестко центрированной и административно структурированной власти, отношение основных дисциплинарных механизмов и аппаратов оказывается существенно деформированным. Что, естественно, сказывается на эффективности функционирования возникшей на этой основе политической реальности: она оказывается своеобразной черной дырой для всякой, а не только государственной политики.

С помощью тактики «комбинирования» решается такая важнейшая проблема самоопределения политической реальности эпохи постсоветского термидора, как обеспечение легитимности власти и установление эффективности («полезности») ее функционирования. Ключевой процедурой и технологией ее решения были демократические выборы. Они обеспечивали легитимность и подтверждали меру эффективности деятельности различных властных институтов и политических сил не только с помощью выборов, но и посредством использования различных форм и схем «сложения» политических сил в соответствующих органах власти, общественных секторах властной реальности (общественная палата, общественные организации, общественные советы и т.п.). Наиболее значимым ресурсом формирования политической реальности, самым главным аппаратом, с помощью которого происходило комбинирование деятельности различных общественных структур и манипулирование разными политическими силами, был «административный ресурс» – совокупность определенных административно-коррумпированных аппаратов и технологий дисциплинирования. Он обеспечивал складирование голосов выборщиков на демократических выборах, сбор различных сегментов и участков политической реальности в единую картину «порядка» и «стабильности», сложение разных политических сил и их деятельности в общую копилку единой государственной политики. С помощью административного ресурса устанавливалась объективная мера эффективности деятельности различных политических сил. Она отражала их аппаратный вес и место в общей конструкции администрирования властной и социальной реальности. Использование данного аппарата – и это, наверное, является самым важным фактором самоопределения процессов политического строительства того времени – гарантировало не только легитимность деятельности различных властных институтов, но и правомочность проводимой ими политики, в том числе необходимость и «постреволюционную» законность политических фальсификаций выборов и аппаратных манипуляций с политическими партиями, общественными движениями.

Различные тактики по-разному участвовали в процессе оборачивания политического «хаоса» девяностых в «порядок» двухтысячных и последующего триумфального и повсеместного развития административного порядка. В конце концов важен тот вклад, который каждая из них внесла в общее дело – превращение политической реальности в универсальный аппарат властвования свободной власти над несвободным обществом. Этот аппарат объединяет множество функционально и структурно различных дисциплинарных процедур и технологий. Следует особо подчеркнуть тот факт, что в настоящее время он является единственным способом самоопределения и внутренней формой самообоснования постсоветской псевдополитической реальности. И в этом качестве он выполняет функции единственного субъекта развития политического администрирования и коррупции современного российского общества. Совокупный эффект воздействия на процесс формирования новой, посттоталитарной политической реальности аппаратного объединения «тактик» проявляется, в частности, в том, что данный аппарат отчуждает политику от власти, убирает из политики все сложное и живое, извращает их отношения до такой степени, что государственная политика становится источником развития несвободы общества. В результате политическая реальность постсоветского термидора превращается в склад подержанных, с вторичного рынка заимствованных политических технологий и схем. С помощью различных манипулятивных технологий хозяин этого склада фетишизирует административное всевластие аппарата и основные процедуры его социального «роения». Подменяя живую политическую работу особыми идеальными формами и абстрактными формулами, он создает из политической реальности нечто абсолютно иное – «неосоветскую» гиперреальность, в которой абсолютно комфортно чувствуют себя только

те аппаратные симуляторы, которые «роятся» в ней с помощью соответствующим образом обработанных «тактик» – посредством администрирования и коррупции.

В процессе осуществляемого с помощью определенных методов и в форме специфических «тактик» административного «роения» дисциплинарных механизмов, становится идеальная форма и абстрактная формула самоуправления (автоматического функционирования) несвободного общества. Они консолидируют значительный потенциал развития власти, на основе которого, если иметь в виду историю постсоветского термидора, происходит перерождение обычного «общества надзора» в нечто абсолютно другое – в административно-командную систему. Активно включаясь в этот процесс, регулируя административное «распространение» дисциплинарных механизмов и коррупционное «пронизывание» ими соответствующих общественных структур, эти методы и тактики возвращают власти ее свободу, а обществу – его несвободу. Погружают их в административную реальность постсоветского термидора в виде особым образом структурированных аппаратов властвования, которые опосредуют сущностную связь свободы власти и несвободы общества и таким странным образом, во-первых, укрепляют и «складывают» их внутренние силы, а, во-вторых, обеспечивают их самоуправление.

«Промежуточная сеть» и «метадисциплина» как инструменты государственного управления несвободой («государственный контроль над дисциплинарными механизмами»)

Дисциплинарные аппараты появляются в результате функциональной инверсии и «роения» различного рода открытых и закрытых дисциплинарных механизмов. Функционируют и обновляются они не посредством «распространения» и «пронизывания» властных и социальных отношений, но путем установления государственного контроля над ними. В процессе их самодвижения становится своеобразная «анатомия власти» (М. Фуко). Эта форма контроля над дисциплинарными механизмами образует очень подвижную, единую для власти и общества нервную систему, которая буквально оживляет данную анатомическую структуру и принуждает ее двигаться более интенсивно в соответствии с законами функционирования «единой строгой административной машины».

Государственный контроль как бы собирает разбросанные по всему обществу «очаги контроля» (аппараты), объединяет и превращает их единство в специфическую форму самоопределения «общества надзора». Он «сопрягает» их со всем телом общества, превращая «пыль его событий» в своеобразные точки отправления и роста власти. В результате такого рода сопряжения аппаратов появляется безликий, невидимый «постоянный, исчерпывающий, вездесущий надзор» [10, с.313]. Кроме этого, государственный контроль может проявляться как «сложная функция» взаимодействия различных дисциплинарных аппаратов между собой. Как сложная функция взаимозависимого существования и взаимопроникновения аппаратных технологий и процедур, их возможного слияния, заполнения с их помощью всех пока еще дисциплинарно не освоенных брешей в недисциплинированных пространствах. Государственный контроль сопрягает власть и общество «посредством сложно организованной документации» [10, с.313–314], которая обеспечивает «постоянный учет поведения индивидов» [10, с.314] и регистрирует «формы их поведения, установки, возможности, подозрения» [10, с.314]. И, наконец, последнее, что отличает государственный контроль от «функциональной инверсии» и «роения» – в качестве универсальных средств обеспечения безграничного контроля и вездесущего надзора он использует «промежуточную сеть» и «метадисциплину» [10, с.315]. С помощью этих инструментов различные аппаратные формы распространения «очагов контроля» в обществе превращаются в способы и технологии самоопределения «общества надзора».

В условиях постсоветского термидора государственный контроль над дисциплинарными механизмами, так же как функциональная инверсия и «роение», осуществляется опосредованно соответствующими технологиями администрирования и процедурами коррупции. С их помощью аппаратное самодвижение дисциплинарного общества превращается в процесс самодостаточного функционирования «строгой административной машины» – в административный надзор общества за самим собой. А государственные аппараты и институты становятся «очагами контроля» за всеми иными «очагами контроля». Возникает достаточно мощная и, как это ни покажется странным, простая дисциплинарная схема надзора за всем и всеми. Простая потому, что она всегда, в этом ее особенность, переформатирует любую задачу и любой сложности проблему в нечто обычное, очевидное, прозрачное, доступное для прямого и непосредственного администрирования. Она не приемлет сложных проблем и всегда переводит их на язык простых и понятных административных кодов – приказов, установлений, распоряжений, положений, регламентов, указаний и т.п., которые обеспечивают если и не эффективное, то хотя бы беспрепятственное прохождение административных сигналов по соответствующим административным сетям. Очень

часто в процессе государственно-административного контроля в системе дисциплинарных и недисциплинарных отношений возникают как бы вторичные «очаги контроля», которые являются потенциальными точками роста коррупции. В этих точках административных завихрений опасность возникновения коррупционных схем проявляется значительно сильнее, и появляются они там куда чаще. Одной из причин их коррупционного перерождения является монополизация государственным администрированием всех ключевых процессов и процедур надзора, а также исключение из этой деятельности каких-либо форм и способов общественного контроля.

Административное строительство системы государственного контроля над дисциплинарными механизмами предполагает не просто более или менее организованное «роение» различных аппаратов, но продуманную систему действий по объединению, сопряжению, слиянию, разделению, комбинированию и т.п. их действий. При этом могут использоваться различные модели административного дисциплинирования деятельности этих аппаратов: настройка, перенастройка, надстройка. В результате административной настройки «очагов контроля» возникает функциональная и структурная зависимость их деятельности от соответствующих административных регламентов. В процессе перенастройки аппараты сопрягаются и «сливаются», возникают новые дисциплинарные устройства, расширяются и углубляются зоны их действия. Очень часто в целях организации эффективной деятельности этих аппаратных устройств над существующими «очагами контроля» надстраиваются еще дополнительные контролирующие государственные структуры и органы, с помощью которых надзор становится более административно действенным и продуктивным. Потенциально каждый из данных способов моделирования административного дисциплинирования деятельности аппаратов, поскольку объективно он ориентирован на усложнение функциональных взаимосвязей между существующими и возникающими «очагами контроля», представляет собой зону повышенного коррупционного риска. Государственный контроль над государственным контролем, как показывает опыт соответствующих административных реформ, очень часто принимает форму «сложной функции», которая может спровоцировать возникновение различного рода коррупционных рисков. Чем сложнее функционирование административной «простоты», тем проще превратить ее в ресурс развития коррупции.

Наиболее простой способ достижения желаемого административного эффекта в деле объединения соответствующих «очагов контроля» в «общество надзора» – это, как мы уже отмечали, опутывание всех структур и подструктур общества «сложно организованной документацией» [10, с.314]. Очень важно добиться того, чтобы общество документировало свою деятельность само. Для этого ее нужно организовать как систему с двойным входом. Чтобы с одного входа в нее мог попасть всякий учетный документ, отражающий поведение отдельного индивида или фиксирующий некоторое относительно самостоятельное административное событие – «пыль событий». А с другого входа в нее мог проникнуть всякий административный документ, регламентирующий не просто конкретные действия, но образ жизни этих индивидов и дисциплинарных аппаратов в целостной системе административного документооборота. Представить себе «общество надзора» без организованной документации, которая не просто расставляет всех по местам в системе административных рангов и статусов, но заставляет их двигаться в соответствии с определенными законами администрирования, невозможно. В результате документирования административных «очагов контроля» достигается достаточно высокий уровень автоматизма деятельности общества, который постоянно подтверждается все новыми и новыми должностными установлениями и административными регламентами. Между двумя входами/выходами из документационной системы самоопределения «общества надзора» существует скрытое противоречие, которое при определенных условиях может стать постоянно действующим источником коррупции. Причем оно может стать таковым как на выходе из нее, так и на входе. Потенциально коррупция может способствовать тому, чтобы индивид, дисциплинарные аппараты, общество в целом или любой социальный институт не просто эффективно соединяли вход и выход данной административной системы, но и относительно комфортно функционировали и воспроизводились в ней.

Анализируя процесс государственного контроля над дисциплинарными механизмами, М. Фуко выделял в нем два способа, два универсальных «анонимных инструмента власти» с помощью которых она дисциплинировала саму себя, общество и индивидов: «промежуточную дисциплину» («промежуточную сеть») и «метадисциплину». Если промежуточная дисциплина призвана соединить различные уровни властного бытия, связать между собой «замкнутые дисциплинарные институты» и «дисциплинировать недисциплинированные пространства» [10, с.315], заполнить бреши между ними, то метадисциплина должна была решить те же самые задачи, но принципиально иным способом. Не с помощью создания протяженной иерархической «сети», а посредством организации контролирующей

деятельности государственных аппаратов государственного контроля. «Метадисциплинарные» аппараты («аппараты управления») решали те же самые задачи, что и «промежуточные дисциплины», но не путем инверсии, распространения или рассеивания властных отношений, а посредством установления особой формы безграничного и невидимого государственного контроля над различными «очагами контроля» и аппаратными формами их осуществления. Смысл существования промежуточной сети и метадисциплины заключался в том, чтобы посредством их использования максимально удешевить процедуры отправления власти, усилить их воздействие на различные социальные институты и распространить по всему обществу, увеличить полезность и послушность всех элементов социальной системы [10, с.320]. Они должны были обеспечить «органическое вхождение в продуктивную эффективность аппаратов» [10, с.321] и существенно повысить эффективность их деятельности. В том числе существенно сократить «бесполезность характерных проявлений массы» [10, с.322]. Кроме этого, данные «анонимные инструменты власти» [10, с.323] должны были установить иерархию индивидов, квалифицировать, специализировать, распределить их на некой шкале. А если потребуется, то дисквалифицировать их и исключить из властного и социального оборота.

В процессе использования «промежуточной сети» и «метадисциплины» в качестве инструментов государственного контроля над дисциплинарными механизмами возникают новые властные институты и аппараты. В частности, появляются государственные аппараты государственного контроля. В результате их функционирования существенно меняется качество основных процедур и технологий отправления власти в «очагах контроля». Их связь становится протяженной, иерархической, непрерывной, суммирующей, сопрягающей, инициирующей, санкционирующей, накопительной, централизирующей силой. Индивид использует ее с помощью «муштры полезных сил» для того, чтобы довести дисциплинирующее воздействие власти до самого себя. В результате он становится незаменимым винтиком «строгой административной машины». Под ее воздействием «общество зрелищ» превращается в «общество надзора» и с помощью государственного контроля раскидывает в системе общественных отношений «плотные иерархические сети» [10, с.322]: нейтрализует горизонтальные связи и «проводит вертикали» [10, с.322]. Осуществляет «глобальный и вместе с тем детальный надзор» [10, с.322–323] над самим собой.

Превращение в условиях постсоветского термидора данных инструментов дисциплинирования в нечто аппаратно абсолютно иное, отличное от соответствующих «очагов контроля» демократического транзита, было связано с тем, что произошло частичное восстановление уже, казалось бы, демократическим образом преодоленных тоталитарных схем связи власти и общества. В результате их возвращения, переноса из социалистического прошлого в постсоветское настоящее «промежуточная сеть» и «метадисциплина» сначала из средства дисциплинирования превратились в объект властных манипуляций, а затем в способ и аппарат государственного контроля над всеми иными «очагами контроля». Государственное изготовление «промежуточной сети» и «метадисциплины» как основных инструментов государственного контроля стало основной целью и смыслом административного строительства.

В результате административно-функциональной инверсии «промежуточной сети» и «метадисциплины» в самих себя (изготовления) у них появилась очень важная новая функция. Она раскрывала механизм превращения этих дисциплинарных аппаратов в государственные «очаги контроля» и те средства, которые обеспечивали самодостаточность и продуктивность их административной деятельности. Оказалось, что в условиях постсоветского термидора они наиболее эффективно сопрягались с государством посредством коррупции. Именно она определяла аппаратную самодостаточность их функционирования, а также способ доведения общества до нужного уровня административно-автоматического функционирования. Коррупция была нужна постсоветскому обществу для того, чтобы в адекватной форме довести и донести до самых до окраин его властного бытия самые важные и необходимые аппаратные сигналы административного строительства. Она превратила «промежуточную сеть» и «метадисциплину» в инструменты административного захвата постсоветской властью не только вертикали власти, но и горизонтали общества. В результате оборачивания административного строительства в собственные основания развития коррупция из обычной функции процесса администрирования превратилась в важнейший очаг государственного контроля и самоконтроля общества за самим собой. Она постоянно инициировала необходимость создания вокруг деятельности государственных аппаратов дисциплинирования своеобразных «очагов коррупции», которые бы на постоянной основе поддерживали и развивали потенциал их административного развития.

Появление «очагов коррупции» было следствием административного строительства специальных государственных «промежуточных сетей» и «метадисциплин». По мере того как происходило их тотальное огосударствление, они из объекта администрирования с необходимостью превращались в инструмент и средство расширенного

воспроизводства коррупции. С их помощью «очаги коррупции» становились надежным источником не только набирающего темп административного строительства, установления тотального государственного контроля над деятельностью различных аппаратов, но и важнейшим ресурсом исторического самоопределения эпохи постсоветского термидора. Фактически те коррупционные схемы административного строительства, которые в эти годы активно использовали в качестве средств дисциплинирования и контроля соответствующую «промежуточную сеть» и «метадисциплину», были, с одной стороны, важнейшим продуктом развития данной исторической эпохи, с другой стороны, они были тем, по сути, единственным механизмом, который оказался в состоянии обеспечить ее историческое воспроизводство.

Любая «промежуточная сеть» появляется лишь там и тогда, когда возникает необходимость объединить множество индивидов, общественных институтов, дисциплинарных механизмов и аппаратов в единое, функционирующее по одним и тем же законам дисциплинирования, целое. Будучи важнейшим источником их объединения, она в самой себе воспроизводит не только ключевые противоречия, которые определяют характер и логику изменения целого, но и способы их разрешения. В условиях антитоталитарной революции особую остроту приобрела проблема взаимодействия двух систем: государственного управления и общественного самоуправления. Своеобразное решение данной проблемы было предложено на следующем этапе демократического транзита в контексте решения основных задач постсоветского термидора. В процессе административного строительства была создана такая «промежуточная сеть», которая особым образом опосредовала взаимодействие различных аппаратов государственного управления и соответствующих аппаратов местного самоуправления. С ее помощью осуществлялся государственный контроль над их деятельностью и контроль общества за самим собой. Происходило сопряжение деятельности государственных аппаратов с различного рода относительно самостоятельными, в большинстве случаев открытыми дисциплинами и дисциплинарными механизмами общественного самоуправления. Они сопрягались между собой таким образом, что, оказавшись встроенными в административную «промежуточную сеть», аппараты местного самоуправления превращались в более или менее эффективные автоматически действующие инструменты государственного управления. Они в извращенных формах копировали основные функции государственного контроля над дисциплинарными механизмами, превратив их из аппаратов самоуправления в инструмент административного принуждения. В результате из этого процесса и из «промежуточной сети» исчезло как управление, так и самоуправление. Их заместили различные формы администрирования, которые с помощью коррупции образовали «промежуточную сеть» нового образца. В ней не было ни управления, ни самоуправления, зато появилась непреодолимая пропасть между исполнительной и представительной властью, причем как в органах государственной власти, так и в органах местного самоуправления. Пытаясь с помощью администрирования выстроить хоть какие-то мосты между ними, «промежуточная сеть» нового образца заполнила данную пропасть различного рода коррупционными схемами, с помощью которых ликвидировала появившиеся в ней «разрывы» и завязала на их месте новые административные узлы. Она, как паук, из самой себя плела паутину, с помощью которой настигала свою жертву. В данном случае жертвой была система государственного управления и местного самоуправления. В результате административно-коррупционного сопряжения системы государственного управления и общественного самоуправления существенно упала степень их дееспособности и до предела снизился уровень эффективности их деятельности.

«Промежуточная сеть» потому и называется промежуточной, что она существует и функционирует не как власть и не-власть, а как нечто третье – способное обеспечить превращение одного в другое. В нашем случае она способствует тому, что местное самоуправление становится клоном государственно-аппаратного администрирования. Тем самым, она однозначно пресекает всякую возможность проникновения процедур самоуправления в сферы государственного контроля и властвования. В результате чего в системе государственного дисциплинирования возникают непреодолимые для управления и самоуправления препятствия и пределы, которые невозможно с помощью этой сети преодолеть и которые существенно ограничивают свободу самореализации и потенциал саморазвития власти. А без этой свободы власть медленно, но верно будет превращаться в источник дестабилизации и деформации общественного развития. Что мы и наблюдаем сегодня в системе развития современной российской власти.

Метадисциплина – это не просто некоторая функция «государственного контроля над дисциплинами», но особый способ оборачивания различных государственных аппаратов на самих себя и собственную деятельность. В условиях постсоветского термидора она существует как совокупность различных государственных и негосударственных аппаратов, которые с помощью административного строительства создают в обществе особые «очаги» контроля. Она актив-

но и целенаправленно присваивает соответствующий функционал различных открытых и закрытых дисциплин, извращая при этом их взаимоотношения между собой и устанавливая особый, по своей сути фетишистский порядок их возвращения в процесс дисциплинирования общества. Метадисциплина стягивает на себя определенный властный потенциал, который определяет возможность и способность власти осуществлять государственный контроль над различными дисциплинарными механизмами и аппаратами. Она его с помощью различных административных форм консолидирует, систематизирует, кодирует и представляет. В результате такого рода перераспределения аппаратной власти в некоторых общественных структурах возникает вакуум властных отношений. Метадисциплина стягивает их в одну точку, которая и становится единственным «очагом контроля» над всеми иными аппаратами и источником автоматизации деятельности всех без исключения субъектов общественной жизни. В современной политологии такого рода политическую форму самодвижения соответствующей метадисциплины называют авторитаризмом. Именно она сегодня является основной и системообразующей в политической жизни России.

С помощью различных административных технологий и процедур метадисциплина превращает общество в социальную лабораторию, в которой власть экспериментирует с различными «очагами контроля». Цель этих экспериментов всегда одна – превращение общества в «строгую административную систему», которая обеспечивает необходимый контроль и надзор сама за собой. Для того чтобы обеспечить определенный уровень автоматизма общественной жизни, она заменяет в административной вертикали власти политические (властные) отношения на коррупционные. С их помощью метадисциплина администрирует деятельность различных властных аппаратов и, что самое главное, принуждает общество администрировать свою собственную деятельность. В результате развития этих отношений общество само в себе перераспределяет власть таким образом, что метадисциплина становится не только универсальной мерой ее свободы, но и единственным субъектом общественного развития. В условиях политического вакуума, который создает метадисциплина, именно коррупция устанавливает баланс между свободой власти и несвободой общества. И, что очень важно подчеркнуть, она превращает метадисциплину из субъекта свободы власти в субъект несвободы общества. Уберите из этого общества администрирование и коррупцию – и оно рухнет, ибо оно устроено так, что может функционировать и развиваться исключительно за счет свободы субъекта несвободы.

Метадисциплина с помощью администрирования и коррупции освобождает «вертикаль власти» от свободы. В результате такого рода трансформаций и максимальной концентрации свободы на вершине соответствующей вертикали метадисциплина становится субъектом власти. Теперь она определяет цели, средства и пути освобождения ее свободы. Одновременно с этим метадисциплина превращается в субъект развития несвободы общества. Она как бы покидает «вертикаль власти» и делает ее инструментом административного строительства общества несвободы. В результате получается, что метадисциплина, объединяя в себе различные аппараты, осуществляющие государственный контроль над дисциплинарными механизмами, становится субъектом, который сам в себе и для себя полагает тождество свободы власти и несвободы общества. В результате его деятельности общество превращается в автоматически действующее «общество надзора» – в одну большую метадисциплину, которая делает свою свободу несвободой общества и несвободу общества превращает в свою свободу. Появление такого рода метадисциплины является естественным и закономерным результатом развития постсоветского термидора. Он подводит своеобразный итог тем процедурам администрирования и коррупции, с помощью которых свобода постсоветской власти освобождалась от тяжкого бремени следствий антитоталитарной революции и превращалась в постоянно действующий механизм самообоснования несвободы общества. И именно поэтому данная метадисциплина является не только наиболее эффективным способом управления несвободой, но и, что особенно важно, она оказывается наиболее продуктивной формой ее самоуправления. Современная российская власть, объединяя в едином метадисциплинарном пространстве капиталистические «наркоматы-госкорпорации», постсталинские общественные организации и профессионально-творческие объединения граждан негражданского общества, хрущевско-косыгинские инновационные формы модернизации, брежневские административно-мобилизационные государственные программы, в полной мере демонстрирует нам как скрытые, так и открытые возможности обновления современного российского общества. Самым важным результатом постсоветского термидора, безусловной вершиной его развития, на наш взгляд, как раз и является превращение общества в ту самую змею, которая с административным удовольствием и неутолимой жаждой коррупции пожирает не только свой собственный хвост, но и саму себя целиком.

Будучи первоначально инструментами административно-коррупционного управления несвободой общества, средствами административного строительства новой административной реальности, «промежуточная сеть» и «метадисциплина», в условиях постсо-

ветского термидора, может быть даже неожиданно для самих себя, превратились, с одной стороны, в единственного субъекта автоматического самоуправления несвободного общества и, с другой стороны, в авторитарного субъекта управления его несвободой. Появление в общественной жизни современной России этого двуглавого субъекта стало важнейшим итогом реализации определенной логики детоталитаризации постсоветской истории. Конечно же, очень важно понимать, что мы живем в обществе несвободы. Но еще более важным является осознание того факта, что во времена постсоветского термидора с помощью различных дисциплинарных схем и технологий была создана система управления несвободой. И именно она на сегодняшний день является главным препятствием продвижения России к «обществу контроля» и основной преградой на пути ее восхождения к постиндустриальной цивилизации.

Литература:

1. Бовыкин Д. Ю. Термидор, или Миф о конце Революции [электронный ресурс] // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 149–161. URL: http://larevolution.ru/thermidor.html (дата обращения 21.04.2014)
2. Бодрийар Ж. Симулякры и симуляция [электронный ресурс]. URL: http://royallib.ru/read/bodriyyar_gan/simulyakri_i_simulyatsiya.html#0 (дата обращения 21.04.2014)
3. Делёз Ж. Переговоры, 1972–1990: [собрание писем и статей] / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб. : Наука, 2004. 232, [2] с.
4. Лоскутов В. А. «Красные линии» идеологии и идеология «красных линий» // Вопросы управления. 2014. № 1. С. 7-26.
5. Лоскутов В. А. Постсоветский тоталитаризм. «Якорные стоянки» российской власти / В. А. Лоскутов; [худож. И. А. Смирнов; предисловие автора] ; Урал. акад. гос. службы. Екатеринбург : [б. и.], 2006. 687 с.: рис.
6. Лоскутов В. А. Современная российская власть: этапы и формы перехода от административной к управленческой деятельности // Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Т. 1. Ростов н/Д, 2013. С. 159–169.
7. Лоскутов В. А. Тоталитаризм и коррупция: сб. ст. // ЧиновникЪ: Информ.-аналит. вестник Урал. акад. гос. службы. 2001. 176 с.
8. Троцкий Л. Д. Рабочее государство, термидор и бонапартизм [электронный ресурс]. URL: http://www.komintern-online.com/trotm382.htm (дата обращения 21.04.2014).
9. Фуко М. Интеллектуалы и власть = Dits et ecris: articles politiques, conferences, interviews: статьи и интервью, 1970-1984: [в 3 ч.]. М.: Праксис, 2002. (Новая наука политики). Ч. 1 / [пер. с фр. С. Ч. Офертаса, под общ. ред. В. П. Визгина, Б. М. Скуратова]. 2002. 381, [1] с.
10. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр.: В. Наумов; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.: ил.

References:

1. Bovykin D.Y. Thermidor , or myth about the end of the Revolution [e-resource] // Questions of history. 1999. № 3. Pp. 149-161. URL: http://larevolution.ru/thermidor.html (date accessed 21.04.2014)
2. Baudrillard J. Simulacra and simulation [e-resource]. URL: http://royallib.ru/read/bodriyyar_gan/simulyakri_i_simulyatsiya.html # 0 (date accessed 21.04.2014)
3. Deleuze Negotiations , 1972-1990 [collection of letters and articles] / ln. with Fr . VY Bystrov. St. Petersburg . Science , 2004. 232 , [2] .
4. Loskutov V.A. «Red lines» of the ideology and the ideology of «red lines» // Management issues. 2014. № 1. Pp. 7-26.
5. Loskutov V.A. Post-Soviet totalitarianism . “ Anchor” the Russian authorities / V.A. Loskutov; [artist. IA Smirnov; preface the author]; Ural. Acad. adm. service. Yekaterinburg: [b. i.] , 2006. 687 p.: Fig.
6. Loskutov VA Modern Russian authorities : stages and forms of transition from administrative to management activity // Elitologii Russia: current state and development prospects. T. 1. Rostov n/D , 2013 . Pp. 159-169.
7. Loskutov V.A. Totalitarianism and corruption: Sat Art // Chinovnik: Inform.- analyt. gazette. Ural Acad. adm. service. 2001. 176 p.
8. Trotsky L.D. Workers’ state, Thermidor and Bonapartism [e-resource]. URL: http://www.komintern-online.com/trotm382.htm (date accessed 21.04.2014).
9. Foucault M. Intellectuals and Power = Dits et ecris: articles politiques, conferences, interviews: interviews and articles, 1970-1984 [3 hours]. M.: Praxis, 2002 . (New science policy). Part 1 / [ln. with Fr . S.Ch. Ofertasa under Society. Ed. V.P. Vizgin, B.M. Skuratova]. 2002. 381 [1] p.

Foucault M. Discipline and Punish. Birth of the Prison / lane. with Fr . V. Naumov; ed. I. Borisova. M.: Ad Marginem, 1999. 478 p.: ill.